

С. 3
Протоиерей Алексей Уминский в гостях у братства «Сретение»

В Свято-Филаретовском институте по инициативе Сретенского братства состоялась встреча на тему «Приходское и общинное строительство в Церкви: настоящее и будущее»

С. 4
Мы не то что «коллективно действовали», наоборот, каждый творил сам по себе

В этом году «Кифа» вместе со всем Преображенским братством будет размышлять о том, что такое «дружеский круг», всматриваясь в живые примеры этого редкого явления. Первый наш рассказ о дружеском круге «лианозовцев»

С. 8
«Катехизатор должен жить тем, о чём говорит»

Как и на прошлых конференциях СФИ, мы взяли интервью у многих её участников. В этот раз мы попросили их ответить на вопрос: «Что бы Вы посоветовали священнику или мирянину, который собирается впервые вести всерьёз длительную катехизацию?»

Приложение «Регионы»

Сегодня в гостях у «Кифы» северная столица. Впрочем, почему «в гостях»? Наша газета до сих пор существует в пространстве между Москвой и Петербургом. Но о том, какие могут быть особенности у митрополии, родившейся в холодной имперской столице, мы ещё не писали. Об этом вы узнаете, прочитав сегодняшнее приложение

Тема номера

VI конференция СФИ по катехизации «Длительная катехизация сегодня»

Три дня работы, размышлений, общения и вдохновения

В работе конференции «Длительная катехизация сегодня», которая прошла в загородном доме Культурно-просветительского центра «Преображение» 11–13 мая, приняли участие священнослужители и миряне из 24 городов 19 епархий Русской православной церкви. Они продолжили обсуждение тем, затронутых в цикле конференций «Традиция святоотеческой катехизации», которые СФИ проводит с 2010 года. Программа конференции была составлена по итогам трёх подготовительных семинаров (семинаров, в которых участники беседуют дистанционно, по интернету – Ред.), прошедших в предыдущие полгода, и состояла только из круглых столов, участниками которых были все находившиеся в зале. О некоторых из этих круглых столов мы сегодня расскажем.

О трудностях и вдохновении

Полноценное оглашение всегда ставит перед человеком вопрос о том, какие отношения с Богом он выбирает: интересен ему Сам Бог или только то, что Он может дать? Без усилия выбора пути даже регулярное посещение богослужений и участие в таинствах

не помогает человеку построить всю жизнь целостно на евангельских основаниях и преодолеть потребительский, а то и магический подход к вере, разделение жизни на церковную и светскую. По понятным причинам сегодня на многих приходах преобладает тот образ церковной жизни, который связан с акцентом на молитве «подай, Господи!» И когда на приходе начинается полноценная катехизация и появляются оглашаемые и новоцерковленные, стремящиеся в нормальном случае к тому пути, который воплощается в словах «Вот я, пошли меня!» (Ис. 6:8), два образа церковной жизни вступают в противоречие, которое необходимо разрешать.

На круглом столе «Приходская жизнь и длительная катехизация: взаимовлияние» катехизаторы из разных городов рассказывали о том, как складываются отношения между оглашаемыми, священниками и прихожанами. Были среди прочих и свидетельства о том, как катехумены, те, кто только начинает свой христианский путь, меняли духовный климат на приходах, могли вдохновить тех, кто уже давно в церкви.

Окончание на с. 6, 7

Круглый стол «Вопросы оглашения "особенных" катехуменов в церковно-приходских условиях». Ведущие – священник Георгий Кочетков и Александр Копировский

Свет жизни

Из проповеди священника Георгия Кочеткова на Утрене в день открытия конференции «Длительная катехизация сегодня»

Преображение Господне. Мозаика в часовне загородного дома КПЦ «Преображение»

Сегодняшнее чтение из Евангелия от Иоанна* необыкновенно подходит к нашему собранию не только потому, что светит солнце, но в первую очередь потому, что мы собираемся на конференцию не просто пообщаться, встретиться или с кем-то познакомиться, а думая о Свете духовном. А Господь здесь как раз и говорит, что Он – Свет миру, и кто идёт Ему вслед, не будет бродить во тьме, ибо обретёт божественный свет, который тождествен свету жизни. Для нас это немного разные понятия. А вот в Евангелии они так тесно соединяются. Божественный Свет даёт человеку жизнь. И тот, кто ходит во тьме, тот уходит от жизни.

...По совести говоря, мы ощущаем присутствие света, хотя не всегда можем повлиять на то, чтобы света было больше или меньше. И поэтому мы часто унываем, потому что, прежде всего, не очень довольны собой, ведь мы прекрасно понимаем, что еван-

гельские слова «вы – свет миру» на нас распространяются с большим трудом. И тут вступает в действие замечательный закон: призывая других ко свету и будучи проводником для других людей к просвещению, совершая таинство просвещения, мы вдруг неожиданно чувствуем, что сами вдохновляемся, сами оказываемся уже не просто обычными верующими, являющимися таковыми лишь в противовес неким неверующим. Когда для исполнения призыва Божьего, воли Божьей мы служим другим людям этим светом жизни, мы, конечно, всегда видим, что нам самим в ответ даются такие дары, которые иначе получить бывает просто невозможно. Я знаю многих катехизаторов, которые, может быть, и катехизируют, несмотря на то, что у них не всё сразу получается как следует, потому что они видят то действие благодати, которое распространяется на самих катехизаторов.

Поэтому катехизатор унывать не может в принципе.

Продолжение на с. 6

Последние свидетели

В малых братствах Преображенского содружества прошли встречи о Великой Отечественной войне

«Непонятно, как мы это всё выдержали?»

14 мая прошла встреча «Свидетели войны», организованная членами братства во имя новомучеников и исповедников Российских. Своими воспоминаниями о Великой Отечественной войне с участниками встречи поделились люди, которые пережили её на фронте и в тылу.

Несколько послевоенных поколений часто повторяли слова: «Лишь бы не было войны». Но у наших современников это чувство пережитой трагедии начинает пропадать, а свидетелей, которые могли бы рассказать правду, с каждым годом становится всё меньше. Самому младшему из гостей, приглашённых на встречу «Свидетели войны», семьдесят четыре года, но все они хорошо помнят период с 1941-го по 1945-й, заставивший их быстро повзрослеть.

Стефан Иосифович Ляхович, кадровый военный, прошёл всю войну и был участником самых страшных её битв под Сталинградом и на Курской дуге. По его словам, жизнь продолжалась даже там, в окопах, в холоде, голоде и постоянной близости смерти. Он вспомнил, как 31 декабря 1942 года сидел с другими бойцами без еды и света в укрытиях под Сталинградом и тоскливо ожидал начала боя. И вдруг на их позиции по ошибке сел немецкий транспортный самолёт, полный хлеба. Лётчики сбежали, оставив всё «богатство» нашим солдатам.

Клавдия Дмитриевна Дятлова, связист

Клавдия Дмитриевна Дятлова, преподаватель, ушла на фронт восемнадцатилетней девушкой и служила всю войну в войсках связи. Она свидетельствовала о том, что все вокруг неё думали только о победе и о том, как её приблизить, но быт и условия были очень тяжёлыми для молодой девушки, вчерашней школьницы. «Непонятно, как мы это всё выдержали?» – удивляется она.

Ксения Александровна Разумова, учёный, доктор физико-математических наук, провела всю войну в Москве. Ей в 1941 году было девять лет, но она помнит множество деталей быта того времени: вид домов с заклеенными крест-накрест стеклами; первые сирены воздушных тревог; бомбы-зажигалки, которые немцы сбрасывали на Москву, предполагая, что деревянная часть города запылает; суп «Великая Отечественная война», состоявший из воды и ложки крупы. Но больше всего Ксения Александровна запомнила ужас от вида первого сбитого немецкого самолёта.

Окончание на с. 2

Церковь и общество

Последние свидетели

Начало на с. 1

В малых братствах Преображенского содружества прошли встречи о Великой Отечественной войне

«Ведь в нём погиб живой человек, который летел зачем-то убивать нас», – думала девятилетняя девочка.

А ещё она помнит о том, что все окружавшие её люди переживали чувство единства и готовы были помогать друг другу. Сегодня в связи с этим у неё возникает вопрос: «Почему многим людям надо оказаться на грани выживания, чтобы в них проснулись лучшие мотивы, проявилась их светлая, но дремлющая до сих пор сторона?»

Полковник Стефан Иосифович Ляхович, участник битв под Сталинградом и на Курской дуге

Зоя Фёдоровна Недзельская, художник, педагог, встретила войну в глубоком тылу, ей было тогда пятнадцать лет. Она рассказала, что её отца расстреляли как «врага народа» перед самой войной, и из-за этого брат был призван в «трудовую армию», в которой почти не было шансов выжить: те, кто не умирал от голода, погибали в первых же боях, где их, не щадя, кидали без оружия на самые тяжёлые участки фронта. После ухода брата Зоя Фёдоровна сказала себе: «Если Бог есть, то брат вернётся живым». Действительно, ему множество раз везло: он попал на курсы шофёров и был переведён в обычную часть, потом благодаря своим художественным талантам оказался при штабе, где рисовал агитматериалы. Уже в Берлине, попав на гауптвахту за какую-то провинность, он тем самым избежал военного трибунала, так как его товарищи в это время ушли в «самоволку»: по случаю победы решили посмотреть город, и за это их всех расстреляли.

Ольга Фомичёва пересказала воспоминания своей матери, Валентины Ивановны Страшковой. Её с множеством других молодых людей угнали в Германию на работы в 1942 году. Условия жизни были как в концлагере: холод, голод, отсутствие лекарств, побои. Валентина Ивановна оказалась единственной выжившей из барака, где все заболели воспалением лёгких. Даже конец войны и освобождение фабрики войсками союзников не прервали череду лишений, так как до появления советских представителей трудовые узники продолжали находиться в неопределённости, голоде и страхе.

После возвращения в СССР Валентина Ивановна пережила горечь от несправедливого отношения родины к таким, как она. Лишь в 1970-х годах она смогла получить хоть какие-то льготы, причитающиеся ей как жертве войны.

В конце вечера участники встречи ещё раз вспомнили чудовищную цену, которую заплатил наш народ в годы войны, и обратились со словами благодарности ко всем гостям и всем, кто внёс свой вклад в победу.

Лица войны

10 мая члены Свято-Макариевского малого православного братства (Москва) представили театральномюзикальный проект-спектакль по книге Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо».

Книга основана на реальных рассказах женщин о том, как их судьбы переплелись с войной. В этих исповедях трагически сошлись и невыносимая боль, и страдания, и страхи, и ожидания, и маленькие фронтовые радости, и надежды на новую мирную жизнь...

Чтение свидетельств женщин – участниц войны

Несмотря на скромные выразительные средства, создателям спектакля удалось передать атмосферу военных лет. Монологи актёров, живая музыка и чёрно-белые фотографии перенесли зрителей в далекие 1940-е. Но спектакль получился не только о прошлом. Болью в сердцах отзывались размышления героинь о жизни после окончания войны...

«Знаете, какая в войну у нас всех мысль жила? Какая счастливая, какая красивая будет жизнь... Люди, которые пережили столько, они будут друг друга жалеть, сколько добра среди людей станет. И теперь сжимается сердце, когда слышишь, что где-то война, что где-то опять убивают людей, мне хочется кричать во весь голос и на весь мир: «Нет! Нет! Этого не должно быть. Зачем же тогда мы мучились? Зачем умирали такие молодые ребята?»».

После спектакля за чаем разговор пошёл о войне. Люди рассказывали правду о войне, которую пережили сами

и которая жива в семейной памяти. Ведь почти в каждой семье есть своя история войны. Среди нас были те, кто в войну ребёнком жил в прифронтовой зоне и знал из многих рассказов, и сам видел, как не готовы были люди оказаться перед реальностью войны, как много было из-за этого трудностей, как непросто было жить эвакуированным на территории другой республики. Мы услышали рассказы о напряжённой работе в тылу, когда на работу на завод пожилым людям нужно было ходить по несколько километров. Как в подмосковном посёлке дети из глины лепили калачи, играли в магазин и ели глиняные булочки. Как московские врачи и сотрудники милиции были отправлены на работу в блокадный Ленинград и трудились там до снятия блокады. Как молитва помогла девочке-подростку на оккупированной территории бежать из лагеря и остаться живой.

Мы рассматривали письма с фронта, на которых стоял штамп «Просмотрено военной цензурой», фотографии погибших и оставшихся в живых, слушали о судьбах искалеченных и счастливых.

Мы вглядывались в лица войны – нам нужно ещё научиться жить со всем тем, что мы узнали, потому что это наша история, история наших родных и близких. Будем надеяться, что состоявшаяся беседа – небольшой шаг к тому, чтобы учиться, никого не обличая и не обвиняя, всерьёз размышлять о нашей истории.

Помнить – значит быть рядом

В день 9 Мая члены Свято-Тихоновского братства небольшой дружной компанией (трое взрослых и пятеро детей) направились поздравлять ветеранов. Поскольку самым «молодым» ветеранам сейчас под 90 лет, выходить на улицу им сложно.

Ветераны были искренне рады нас видеть. Некоторые были очень удивлены и крестились, благодаря Бога. Им действительно оказалось 89 и 90 лет. Но все, к нашему удивлению, были на ногах! За двоими ветеранами в момент нашего поздравления приехали родственники и на машинах увезли их праздновать в центр города. Но с тремя ветеранами нам удалось пообщаться.

Это были женщины, ветераны тыла. В 1941 году им было 15–17 лет. И конечно, им пришлось пережить все тяготы войны и послевоенного времени. Несмотря на большое количество поздравлений, внимание детей им было особенно приятно.

Не хочется обобщать и говорить «они», а хочется про каждую отдельно сказать: «Какого светлого, радостного и доброго человека нам и нашим детям послал Господь в этот день!» Встреча и общение с каждой из них были целым событием для нас. Мы подарили им небольшие подарки, дети спели военные песни и подарили им свои поделки и рисунки. Нам интересно было узнать об их непростой жизни во время войны и выразить свои признательность и со-

чувствие. Дети с удовольствием трогали и разглядывали медали, спрашивали, за что они были получены. И каждый не упустил возможность примерить медали на себя.

Особенно удивительной и радостной нам, взрослым, показалась встреча с Лидией Ивановной Гречишниковой, педагогом по специальности. В 1941 году она только окончила школу. Из-за начавшейся войны ей после небольшой подготовки пришлось сразу идти работать учителем начальных классов. Лидия Ивановна поделилась с нами, что в трудные годы их спасала русская литература – письмо Татьяны из «Евгения Онегина».

Во время нашего общения было видно, что она педагог от Бога. Это не просто профессионализм. В глазах – отражение тихого неброского Света. От неё не хотелось уходить.

Мы почувствовали, что Лидия Ивановна обладает таинственным ключиком к сердцам детей, который есть не у каждого воспитателя. Ключик этот зовётся любовью. И нам, как воспитателям своих детей, есть чему у неё поучиться в плане духа, а не только в педагогических нюансах. Благодаря такому общению многое может решиться в наших попытках привести детей к Богу. Мы договорились с ней о встрече, чтобы поговорить о тайне воспитания.

Мы вернулись домой с радостным сердцем. Слава Богу за эти удивительные встречи!

По материалам сайта Преображенского братства, а также блога братства во имя святителя Тихона Задонского и преподобного Силуана Афонского (<http://bratstvo-stz.livejournal.com/>).

Авторы текстов Олег Бим, Татьяна Васильева, Ирина Богатова, Анна Дмитренко, Ольга и Алексей Евстигнеевы

Фото Любови-Лилии Клейменовой, Максима Соболева, Ольги Евстигнеевой

Лидия Ивановна Гречишникова в годы войны была учителем начальных классов. По её словам, в трудные годы людей спасала русская литература

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор: А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции: gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей
Москва: +7-964-534-64-55 (Александра Ошарина), +7-965-146-14-56 (Анна Гринман), +7-965-128-15-07 (Марина Чиркова)
Санкт-Петербург: +7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)
Архангельск: +7-921-073-3276 (Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-1137 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-5035 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-0391 (Татьяна Благодарова)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-964-296-9042, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-4305 (Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Борж», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 26 мая 2015 г. Время подписания в печать: по графику – 9,00, фактическое – 9,00.

Дата выхода в свет 31 мая 2015 г.

Новости православных братств

Протоиерей Алексей Уминский в гостях у братства «Сретение»

На встрече говорили о проблемах и перспективах общинной жизни в Русской православной церкви

1 мая в Свято-Филаретовском институте по инициативе Сретенского братства состоялась встреча на тему «Приходское и общинное строительство в Церкви: настоящее и будущее». На этот раз гостем института и братства стал настоятель храма Святой Троицы в Хохлах протоиерей Алексей Уминский.

Во встрече участвовали ректор СФИ и духовный попечитель братства «Сретение» профессор священник Георгий Кочетков, преподаватели и сотрудники института, братья и сёстры из Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Воронежа, Электростали и других городов.

– Мне очень приятно ваше приглашение для разговора на наиболее значимые для современной церковной жизни темы, такие как строительство общин, – сказал отец Алексей, приветствуя членов братства. – Через такие встречи, диалоги

мы начинаем лучше слышать и понимать друг друга.

– Мы с отцом Алексием знакомы уже много лет, и мне было интересно прочесть в СМИ его размышления об общинах, – сказал в начале беседы отец Георгий. – Меня заинтересовало Ваше высказывание о том, что нужно снимать напряжение между разными направлениями в церкви.

Участники встречи поделились своими взглядами на проблемы и перспективы общинной жизни в Русской православной церкви. В ходе живого и заинтересованного диалога обсуждались вопросы современного приходского богослужения, опыт собирания церковных общин, смысл общинной жизни в Христианстве, её духовные приоритеты и место в современной церковной жизни.

Священник Георгий Кочетков, ректор СФИ; протоиерей Алексей Уминский, настоятель храма Святой Троицы в Хохлах; Дмитрий Гасак, первый проректор СФИ и председатель братства «Сретение» с братьями и сёстрами в часовой институте

Как церковь узнаёт своих святых

17 мая в актовом зале СФИ Свято-Николаевское и Свято-Макариевское братства провели круглый стол с таким названием. Среди гостей встречи были представители Свято-Петровского и Свято-Маринского братств, а также братства во имя новомучеников и исповедников Российских.

Обсуждение острой и неоднозначной темы началось с основательного доклада Анны Лепехиной о том, какими были критерии прославления святых в Священном писании, в практике древней церкви, в истории и современности. Перед сотней участников обсуждения наглядно раскрылся путь от признания и исповедания святости как того, что принадлежит Богу и исходит от Бога, (в Писании) к восприятию всех христиан (учеников) как святых и особому почитанию свидетелей, то есть мучеников (о чём свидетельствуют памятники ранней церкви) а потом – к развёрнутым, чётко прописанным критериям канонизации в Византийской и позже – в Иерусалимской и Русской православных церквях. Интересно, что сегодня мы сталкиваемся со всеми пластами этого предания: так, литургический возглас «святая – святым» на каждой литургии напоминает нам, что святым является каждый член народа Божьего.

По мнению докладчицы, в наше время традиционные критерии канонизации столкнулись с очевидным кризисом при обсуждении подвига новомучеников и исповедников, не вписывающихся в рамки «закрепленного чудотворения и народного почитания». Более того, массовая канонизация новомучеников не сопровождалась рецепцией церковного народа, что не даёт возможности их подвигу плодотворно в современной церковной жизни.

О новом подходе к явлению святости, характерном для богословия XX века, напомнила исследовательница творчества матери Марии (Скобцовой) Лидия Крошкина. Этот подход связан в том числе и с наследием русской эмиграции, с именами Георгия Федотова (который, опираясь на исследование истории русской святости,

Участники круглого стола: Анна Лепёхина, Наталия Игнатович, Людмила Комиссарова, Анна Гринман, Анна Дмитренко, Лидия Крошкина

предчувствовал новую святость в пути творчества и иночества в миру), и матери Марии, связывавшей критерии святости с соборностью.

В последовавшей за этими выступлениями дискуссии было поставлено множество вопросов. Но главным было не столько это, сколько само прикосновение к опыту святых. Разговор начался с неоднократного обращения к образам Бориса и Глеба, которые явили собой что-то очень важное в характере русской святости (кто-то считал, что безропотное терпение, кто-то – что ответственность за страну, которую святые не захотели ввергать в гражданскую войну), и затронул имена многих святых, которые стали близки участникам дискуссии во время исследовательской работы в СФИ, например, архим. Макария (Глухарёва) и преп. Евфросиньи Московской. Конечно, не могли в этом контексте не прозвучать и имена людей ещё не прославленных, но искренне почитаемых многими из присутствовавших, – епископа Макария (Опоцкого) и Николая Николаевича Неплюева. Говоря о них, участники встречи вспоминали уже возникший в разговоре критерий соборности.

Главный же вопрос, который во многом стал заключительным, – чему мы сами хотим и готовы подражать в опыте святых. Ведь именно этот вопрос, обращённый к себе, – а вовсе не бесконечные и во многом языческие просьбы помочь выйти замуж, обогатиться или даже избавиться от зубной или головной боли – позволяет узнавать и истинно почитать святых.

Александра Колымагина

Новости Свято-Филаретовского института

Паломники из СФИ посетили святыни города Валуйки

26 апреля группа паломников из Свято-Филаретовского института – ректор священник Георгий Кочетков, преподаватели, сотрудники и студенты побывали в городе Валуйки Белгородской области.

Более 400 лет на этом месте находился Валуйский Успенский Николаевский мужской монастырь. Сейчас здесь действует Свято-Николаевский собор, закрытый в 1926 году и наполовину разрушенный за годы советской власти. Собор был восстановлен и вновь освящён в 2011 году.

Паломники приняли участие в воскресном богослужении, а затем совершили экскурсию по территории храма, на цокольном этаже которого находится небольшой музей, посвящённый его истории, познакомились с местными святынями. Здесь же группа встретила с настоятелем собора игуменом Агафангелом (Белых).

В завершение поездки паломники посетили лесной пещерный скит монастыря.

Людмила-Илона Скоробогатова
Фото Александра Волкова

После богослужения на ступенях Свято-Никольского собора

В Русской православной церкви разрабатывают документ о приходской общине

Делегация СФИ приняла участие в работе конференции «Приходская община в жизни Церкви»

13–14 мая в Санкт-Петербурге по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладоского Варсонофия состоялась конференция «Приходская община в жизни Церкви: прошлое, настоящее и будущее». Конференция была организована комиссией Межсоборного присутствия Русской православной церкви по вопросам церковного управления и механизмов осуществления соборности в Церкви с целью содействия выработке общецерковного документа о приходской общине.

В конференции приняли участие протоиерей Александр Пелин, председатель епархиального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества; протоиерей Александр Сорокин, руководитель информационного отдела, настоятель Феодоровского собора; Дмитрий Шмонин, проректор по научной работе РХГА; клирики Санкт-Петербурга, представители церковных и общественных организаций.

Активное участие в работе приняла делегация Свято-Филаретовского института: Дмитрий Гасак, первый проректор; Давид Гзгзян, заведующий кафедрой богословских дисциплин и литургики; Юлия Балакина, доцент кафедры церковно-исторических дисциплин, а также Владимир Лавренов, доцент, член Геральдического Совета при Президенте РФ.

Участники конференции обсудили многочисленные вопросы и особенности приходской жизни в истории и современности. В частности, большое внимание было уделено возникновению в церковной традиции понятий «приход» и «община», а также различению их в современной практике жизни Русской православной церкви. Более глубокому и разностороннему пониманию значения этого вопроса для церкви спо-

собствует живое обращение к опыту Собора Российской церкви 1917–1918 годов и исповедников Русской церкви XX века, создавших множество живых приходских общин в условиях жестоких гонений на церковь в советское время.

Важным моментом в жизни приходской общины, по мнению участников, должно быть стремление к повышению качества духовной жизни на приходе, чему много могла бы содействовать катехизация взрослых прихожан, а также их обучение истории церкви, основам богослужебной традиции, богословию и т. д.

В свою очередь духовное просвещение могло бы способствовать более сознательному и ответственному участию членов приходских общин в общей жизни, в том числе и в решении серьёзных нравственных и материальных вопросов.

В ходе оживлённых дискуссий в течение двух дней работы конференции её участники выработали предложения по основным направлениям будущего документа, посвященного одному из важнейших вопросов церковной жизни. Актуальность его трудно переоценить, о чем не раз говорил в своих выступлениях и Святейший патриарх Кирилл. В частности, в своем докладе на Епархиальном собрании Москвы 23 декабря 2014 года председатель подчеркнул, что в устройении приходской жизни «нужно иметь в виду не только средства (богослужение, образование, катехизацию, молодёжную и социальную работу), но и цель. Единственной конечной и неизменной целью всей Церкви Христовой, а значит, и прихода, является приведение людей к общению с Богом, обретение ими спасения».

Сайт Свято-Филаретовского института

В этом году «Кифа» вместе со всем Преображенским братством будет размышлять о том, что такое «дружеский круг». О том, почему это важно, может быть, стоит сказать словами К.С. Льюиса:

«В старину дружбу считали самой полной и счастливой из человеческих связей. Нынешний мир её лишен. Дружба для нас – развлечение, почти ненужная роскошь... Без влюбленности никто бы из нас не родился, без привязанности – не вырос, без дружбы можно и вырасти, и прожить. Вид наш с биологической точки зрения в ней не нуждается. Общество ей даже враждебно. Заметьте, как не любит её начальство. Директору школы, командиру полка, капитану корабля становится не по себе, когда кого-нибудь из их подчинённых свяжет крепкая дружба.

...Мне скажут, что дружба очень нужна обществу. Великие религии начинались в узком кругу друзей. Математика возникла, когда несколько друзей в Греции стали беседовать о числах, линиях и углах. Королевское общество было маленькой группой джентльменов, собиравшихся в свободное время потолковать о никому, кроме них, не интересных вещах. Возрождение, Рефор-

мация, борьба против рабства, коммунизм, методизм начались, в сущности, так же.

Значит, дружба пользу приносит. Но почти каждый читатель что-то одобрит из моего списка, что-то осудит. В лучшем случае список этот показывает, что дружба может принести обществу и пользу, и вред. Да и помогает она обществу не выжить, а «жить хорошо», как называл это Аристотель. Несколько друзей, отвернувшись от мира, преобразуют мир. Математика Египта и Вавилона служила обществу, земледелию, астрологии. Но для нас гораздо важнее математика греческая, которой занимались на досуге несколько друзей.

Дружба бесполезна и не нужна, как философия, как искусство, как тварный мир, который Бог не обязан был творить. Она не нужна жизни; она – из тех вещей, без которых не нужна жизнь».

Правды ради нужно сказать, что не менее выразительно Льюис рассказал и о том, чем дружба может быть опасна. Но об этом мы поговорим в другой раз...

А сегодня наш рассказ – о дружеском круге «лианозовцев»

Видеть и различать

Лианозовская школа возникла в конце 1950-х годов в подмосковном посёлке. «Школа» – это, конечно, условное название. Просто вокруг поэта и художника Евгения Леонидовича Кропивницкого сложился дружественный круг, куда входили поэты Генрих Сапгир, Всеволод Некрасов, Игорь Холин, Ян Сатуновский, а также художники Оскар Рабин, Николай Вечтомов, Лидия Мастеркова, Владимир Немухин и некоторые другие. Как писал позже Всеволод Некрасов, «была и не группа, не манифест, а дело житейское, конкретное. Хоть и объединяло авторов в конечном счёте в чём-то сходных».

В массовом сознании сторонников инновационного искусства нередко приравнивают к атеистам. Однако русский авангард показал определённую чувствительность к духовным вопросам. Да, лианозовцы не оказались в церковной оgrade, но время от времени бросали в её сторону взгляды – то вопрошающие, то беспокойные. Они боялись нового идеологического диктата. И в то же время чувствовали, что творчество не ограничивается одними горизонтальными интуициями.

Это видно, например, по стихам Игоря Холина, который по праву считается главным творцом «барачного» мифа. Его миниатюры, фиксирующие будни простого советского человека, звучат сегодня как своевременные реплики в нудных ностальгических разговорах о дешёвой колбасе и счастливом прошлом. Любимая холинская фигура поведения – самоумаление – истинно евангельская. Он отказался от лирического «Я», от позы пророка («Граждане, послушайте меня!» Е. Евтушенко) и устремился туда, где грязь, боль, нищета. В этом решении был духовный выбор:

*Чем ниже опускаюсь я
Тем ближе к Богу.*

Холинские стихи ставят человека перед глухой стеной, перед ужасным миром, за которым мир иной, обетованный и прекрасный, человечески простой не сквозит. Они порождают (и будут порождать, поскольку многие черты советской жизни имеют печальное свойство воспроизводиться) в человеке вопрос о выходе, то есть о спасении. В этом смысле холинские тексты имеют отчётливый миссионерский характер. Каким-то краем сознания Холин это понимал. Думается, совсем не случайно у него встречаются русифицированный фрагмент молитвы «Отче наш», поэма «Бог», стихи, вроде «свет / свет / свет / свет / свет / свет / свет / свят».

Не случайно и то, что одной из основных черт «барачной жизни» остается у Холина отсутствие света:

*Пролетело лето,
наступила осень.
Нет в бараке света.
Спать ложимся в восемь.
Пролетела осень,
наступило лето.
Спать ложимся в восемь, –
нет в бараке света.*

Экзистенциальная сгущенность тьмы не даёт читателю даже задаться вопросом: почему в долгие летние дни света

по-прежнему не хватает.

К библейским темам и текстам обращался и Генрих Сапгир. Его «Псалмы» прозвучали очень необычно. Обратившись к Псалтири во вполне атеистическое, пропитанное духом комиссаров в пыльных шлемах время, Сапгир недвусмысленно заявил о важности для судьбы культуры религиозной традиции. Не юродствуя, не издеваясь над библейскими персонажами, он ввёл псалмодические распевы через эти «А-О-А-О-А-О-И» и «О нори – нора руоло!» в современный речевой стих. Актуализируя библейские истины, он приблизил древние писания к современности, например, прочитал псалом 57 в контексте травли Пастернака:

*3. Заклинаю вас
вашими актами
протоколами
заклинаю вас
невесёлыми
фактами
заклинаю вас
неурожаями
заклинаю вас
уважаемый
вашей серой
карьерой*

*.....
6. Это всё глубоко наболевшее
и простое как доктор Живаго
Листья есть
птицы есть –
небо есть –
и воистину есть
Судия всего живаго.*

Сапгир воспринял и пропустил через себя многие сюжеты и мотивы Псалмопевца, оставшись при этом в жёстких рамках монотеизма Торы. Ветхозаветная церковь, как мы знаем, возводила добро и зло к Богу. Проблемы безвинных страданий Иова, конечно, волновали избранный народ. Но не будем забывать, что книга Иова – это поздняя книга. Со всей остротой вопрос о трагической судьбе любви в этом мире встал лишь на рубеже новой эры, и для ветхозаветного сознания Крест и Голгофа так и остались соблазном. Когда поэт в псалме 148 пишет: «Он повелел – и сотворилось / злодобро и добролом / завязаны узлом / Да здравствует Твоя жестокомильность!», то отнюдь не кощунствует, хотя идёт по грани. Сапгир не существовал внутри какой-либо религиозной традиции. Но речь сейчас не об этом.

Ещё у одного лианозовца, Всеволода Некрасова, стих движется на дальних подступах к церковной оgrade. Мы обнаруживаем у автора напряжённый диалог с канонам, точнее, с интерпретацией его в классической литературе. Вот, например, фрагмент спора поэта с Достоевским:

*Это
Демонов что ли
изгоняли
Бесами
Бесов
чертями
тех дьяволами
Вот и пойми
какого это тоже она
Дьявола*

*Делала
Наша
Великая Русская Литература
И тут-то ей
и ура*

Не лишены духовных поисков и художники-лианозовцы. Особенно это относится к Оскару Рабину. На последней выставке его работ в Санкт-Петербурге стало особенно отчётливо видно, что он постоянно бросает взгляд в сторону Церкви. То он изображает икону Богородицы, то, всматриваясь в лица умерших сына и жены, вопрошает вечность: возможна ли встреча?

«Вечность как сюжет» – так, наверное, можно назвать основную тему его последних картин. Но есть в них и социальная острота, когда автор показывает облака как нарезанную колбасу. Колбаса лежит на газете, одна из статей которой названа «Православие – наша новая идеология». Да, знакомые ещё с советских времён страхи...

Культура и религия сегодня оказались в очень непростых отношениях. Недавний скандал вокруг оперы «Тангейзер» показал это со всей определённостью. Поэтому так важно уметь видеть и различать.

Игра «стенка на стенку», в которую играют сейчас в области разрыва церкви и культуры горячие головы, чревата большими разочарованиями: уходом людей из церковной оgrades, умиранием самой религиозной темы в современном искусстве, многочисленными провокативными культурными акциями.

С людьми надо разговаривать. Тем более с людьми искусства. Листая книги лианозовцев, всматриваясь в написанные ими картины, я понимаю, что разговор этот не безнадежен.

Борис Колымагин

Всеволод Некрасов в мастерской Оскара Рабина в Париже. 1990-е годы

Мы не то что «коллективисты»

Интервью с художником Оскаром Рабином

Простите за нескромный вопрос: Вы верующий человек? Вы считаете себя верующим?

Видите ли, я-то считаю себя, конечно, верующим человеком. Но дело в том, что большинство людей всё-таки принадлежат к каким-то определённым категориям верующих. И вот тут я ничего не могу с собой сделать. Я интересовался всеми религиями, у меня и в картинах эти темы присутствуют, особенно, конечно, христианская, но реально я ни к какой конфессии не принадлежу. А верить я верю, конечно, верю. Это по-разному можно называть: люблю Бога. Ещё есть переживание предназначения, не от меня совершенно зависящего, и я вполне с этим согласен, никаких возражений по этому поводу у меня нет, наоборот, даже какое-то тёплое и уважительное отношение к тому, что это не «я решаю», что мне это «дали решать». Это большое утешение. Чем больше я живу, тем больше я это чувствую. Вот в этом смысле я – верующий. Знаете, мне кажется, что большинство людей – такие, хотя, может быть, человек не всегда отдаёт себе в этом отчёт. Да, сейчас смутное время, всё перемешалось, поэтому, конечно, где-то мода коснулась религии. Так что уже немного трудно всё это разделить и понять, где это искреннее, рождённое, а где наигранное. Я не берусь, не пытаюсь разобраться во всём.

Свой путь как художника Вы ощущаете как призвание свыше?

Конечно. Мало того, я ощущаю не только большое удовлетворение, но и благодарность даже за каждую картинку, если она у меня получается хотя бы на 15–20 % так, как этого мне хотелось бы; о 100 % вообще говорить не приходится: это ни у кого не получается на 100 %... Хотя что и кого благодарить не знаю, но благодарность эта есть. Правда, потом опять наступает время, когда опять ничего не получается. И думаешь, уже всё, уже прошёл весь свой путь, всё сказал, что мог.

А как рождается новая картина, из чего она рождается?

Во-первых, всё-таки из жизни прежде всего. Из жизни, из желания это сделать. Это и от меня зависит, и от холста, и от чего-то ещё такого, что уже ни от меня, ни от холста, ни от кого не зависит – чтобы эти 15–20 % получились.

Почему у Вас Россия на холстах всё время мрачная, однообразная?

Я вовсе не считаю, что Россия всегда мрачная и всё здесь мрачно. Раннее детство у меня было нормальное. Когда мне было 13 лет, началась война. Я остался один. Отца я вообще не помню. Мать умерла в первый же год войны, так что у меня никого не было. И вся моя молодость, всё становление пришлось на войну и на послевоенные годы. В конце войны я попал в Ригу и тоже ничего особенно отрадного не нашёл, хотя учился в Академии художеств. Я её не закончил, конечно, потому что чисто материальные условия были невозможные. И вот эти молодые годы, когда бы жить и радоваться, я провёл оборванным, грязным, бездомным, голодным. До войны ничего этого в жизни не было, и я не относился негативно к советской власти, потому что другого в жизни не знал. Но моё взрослое воспитание, восприятие – оно уже сформировалось под этим знаком. Вся политическая ситуация, советская идеология, когда постоянно на белое говорилось – черное... На кого это рассчитано было, даже не очень понятно.

Мне пришлось больше десяти лет работать десятником на железной дороге, разгружать вагоны. Там можно было сутки дежурить, а потом двое

«Активно действовали», наоборот, каждый творил сам по себе

рабинным

суток было свободных, и можно было рисовать. Поэтому я ценил эту работу. Рабочими были заключённые, но не политические (под Москвой не держали политических). Они разгружали вагоны, а я руководил, выписывал наряды и т. д. Там были не только работяги, самый разный контингент, даже один композитор сидел – семь лет получил за «левый» концерт. Бабе, которая доливала в пиво воды, тоже семь лет давали, и рабочему, который вынес с хлебозавода полбуханки хлеба. Нужно сказать, что даже в то время стеснялись за полбуханки 7 лет дать, совести не хватало, но делалось очень просто: сколько Вы работали? Два с половиной года? Сколько в году дней? Так, это каждый день полбуханки и вот пару тонн. А за пару тонн можно семь лет давать. Семь лет – это считалось побожески. Как можно было свято верить, что это справедливо? И, как правило, даже те, кто действительно совершал какое-то преступление, всё равно считали, что они несправедливо и невинно сидят.

Насколько я понимаю, можно было в систему вписаться как художнику и жить достаточно безболезненно, рисовать девочек с косичками, партработников. Перед Вами стоял когда-нибудь такой выбор?

Видите ли, я бы рад был вместо работы на этой дороге с заключёнными рисовать разных девочек или зверюшек, как это делала масса моих приятелей-художников. Я и пытался даже. Только у меня ведь ничего не получалось. Рисовать-то я любил с детства, как большинство рисовало, с натуры – натюрморты, пейзажи, портретики. На мой взгляд, не так уж плохо рисовал. Но для того, чтобы вступить в Союз художников и быть тоже художником, это не подходило. Это не лучше было и даже не хуже, но как-то не так. Потому что всё равно меня тянуло рисовать какие-то полуразрушенные сарайки, и настроения в этих этюдиках были не те, которые им подходили. И они это тоже сразу чувствовали.

Знаете, бывают люди, у которых таланты более многочисленны, а бывает, что человек только что-то одно может делать, а другое уже не может. Бывают же драматические актёры с драматическим репертуаром: вот тут он может себя выразить как актёр, как художник, как творец, а более весёлый или комический вариант у него не получается. То же самое и у художника, и у певца бывает – вот его диапазон, он только в этом диапазоне и может петь. Бывают те, кто может и то, и другое, и третье, и пятое, и десятое. А у меня это не получалось. Я только, как выяснилось, мог свои картинку рисовать. И то, конечно, при Сталине об этом даже и речи не было, а возможным стало только после «оттепели», когда уже можно было как-то познакомиться с тем, что в мире делается, и появилась какая-то относительная свобода.

Выставка в Институте мировой экономики (не состоявшаяся). Оскар Рабин вешает «Правду». 1969 год. Фото: Игорь Пальмин

Тогда появились целые поколения «шестидесятников» – и писателей, и музыкантов, и художников. И мы тянулись друг к другу. Тот же Солженицын не был бы, если бы это время не наступило, ну и все остальные соответственно.

А кто входил тогда в Ваш дружеский круг?

Были поэты, которые просто были моими близкими друзьями. Это Генрих Сапгир – мы встретились с ним в 13 лет. Достаточно известный поэт, как детский, так и взрослый. Если бы его взрослые стихи издавались, и он мог бы зарабатывать на жизнь, он вряд ли бы эти детские стихи писал. Но писал он их всё равно здорово. И другой совершенно человек, Игорь Холин (они тоже всю жизнь были друзьями). Он эзика был, бесконвойный¹. Была такая категория заключённых, которые могли вне лагеря на работу ходить, а потом возвращаться в лагерь. У него и поэзия такая жёсткая, дикая, но он оригинальнейший поэт. Его больше всего интеллигенция ценила, даже больше Генриха. Хотя Сапгир, конечно, культурнейший поэт, интеллигентнейший. Был поэт Всеволод Некрасов, он несколько лет назад умер, с ним тоже у нас были очень близкие отношения. Сатуновский. И ещё целый ряд. А из художников близким всегда мне был (он и сейчас жив) Владимир Немухин. Тогда он жил с художницей-абстракционисткой Лидой Мастерковой, но она умерла уже. Николай Вечтомов – тоже его уже нет. Потом появился, чуть-чуть помоложе нас, лет на 10, Дима Плавинский, и Зверев, и Володя Яковлев, и Ситников. Всё больше, и больше, и больше появлялось всех.

Конечно, нас объединяли не какие-то живописные принципы; каждый выбирал своё из той информации, которая у нас появилась, и формальных возможностей. Каждый выбирал то, благодаря чему он мог себя как-то ярче выразить. Поэтому ни в каких манифестах, теориях, критиках не было необходимости. Мы не то что «коллективно действовали», наоборот, каждый творил сам по себе, мы спорили, оспаривали друг друга, таким образом что-то прояснял для себя каждый. В противоположность этому была группа Ильи Кабакова на Сретенском бульваре. Там придерживались тех направлений, которые в данный момент были актуальны и официально признаны на Западе. Я помню, когда в первый раз пришёл в мастерскую к Кабакову, у него уже стояли вещи, которые потом получили название концептуальных: спинка дивана, мордочка какая-нибудь.

Кто-то из вашего круга получил признание? Или нужно было выбирать – либо признание, либо ты выразил себя?

Видите ли, мир не так просто устроен, что «или – или». Всё-таки в жизни очень много вариантов. Вы знаете, когда я тридцать шесть лет назад приехал в Париж, я думал, что если наш человек уехал на Запад, он или делается миллионером и покупает вторую яхту, либо ночует под мостом и никаких серединок быть не может. Оказалось, что это вовсе не так. Много парижских художников живут и существуют, но в этом контексте благоденствующих, может быть, сотни, но не тысячи. В музеях современного искусства во всём мире, абсолютно независимо от национальности, – сто, двести фамилий. А остальные – это огромная очередь, сотни тысяч, которые хотели бы туда попасть, но это не так-то просто. Легче выиграть десять миллионов в лотерею, чем попасть туда.

С каким чувством Вы уезжали из России?

Дело в том, что это всё постепенно готовилось. После так называемой «бульдозерной» выставки² прошло четыре года. И те, кто это делал, были просто исполнители, они это сделали как могли. А Париж только потому и получился, что у меня нигде в мире никого – ну, почти никого – не было, куда б мне поехать. Но у меня были друзья, французы и русские, и десять человек приехали из Парижа и встречали меня в Кёльне, где была пересадка на Париж. Это облегчило мне жизнь в первое время, потому что я не знал французский язык, да и вообще никакой, и, кстати говоря, и сейчас не знаю. Говорю варварски совершенно, то есть я мыслю по-русски, а потом просто подставляю французские слова под русские предложения. Поэтому для них это звучит, конечно, дико, да и для меня звучит дико, но я ничего не могу сделать. Я, между прочим, даже не окончил шесть классов, правда, тут ещё война вмешалась, это верно, школу эвакуировали. Но что такое причастие, деепричастие я и сейчас не знаю. Для меня это была абстрактная абракадабра, которую я не мог понять. Кстати говоря, это потом передано моему сыну, он также не мог понять абстрактные вещи. Он тоже был художником.

Вам как художнику было трудно во Франции?

Трудно. Знаете, в каком смысле? Я же рисовал то, что всю жизнь меня окружало, что вошло в мою кровь. Я в этом окружении вырос и воспитался, я уже всю эту жизнь знал. Поэтому я и мог рассказать то, что я очень сильно сам пережил и чувствовал. И люди это тоже понимали, глядя на картины. А во Франции мне только поверхность видна. Конечно, я рисовал Париж, но просто в лирическом плане, так, как где-то в детстве мечталось о светлом чём-то. Никаких проблемных вещей я во Франции не написал, и не получалось у меня, даже когда проблемы были. Там, конечно, тоже и трагедии происходят, и умирают, и убивают. Всё это как везде, но это не мои проблемы.

А вопрос о возвращении в связи с этим для Вас не стоял?

Первые десять лет он и не мог стоять, об этом речи не могло быть, потому что был Советский Союз, а меня лишили гражданства. А потом, когда можно уже было, я, знаете, как-то расхотел. Теперь я очень редко бываю в Москве, на моей родине. Но какая-то настоящая Москва, та, которая была, она во мне есть. А то, что сейчас, это уже какое-то не моё, какое-то чужое, хотя я к нынешней молодёжи и с симпатией отношусь. И знаете, когда проходит время, всё

то плохое, что было, но прошло, оно как-то смягчается. Тем более что закончились эти неприятности не так уж сверхтрагично. А то, что было хорошо – что молодость была, свои надежды и на искусство, и вообще на жизнь, и любовь, и дети были – это всё немного сильнее чувствуешь с возрастом.

Беседовали Юлия Балакшина, Светлана Бурова

¹ Игорь Холин закончил войну в Праге в чине капитана Красной Армии. За пощечину пьяному хулиганствовавшему солдату был отдан под трибунал и попал в зону в Лианозово. Охраной там заведовал знакомый Холина по армии, который разрешил ему временно покинуть пределы зоны.

² Оскар Рабин был организатором выставки картин московских художников-авангардистов 15 сентября 1974 года на окраине столицы в Беляеве, на пустыре при пересечении Профсоюзной улицы и улицы Островитянова. На выставке присутствовали примерно 20 художников, их родственники и друзья, журналисты западных информационных агентств и дипломаты. Картины были развешаны на импровизированных стойках, изготовленных из деревянных реек. Несмотря на небольшой размах события, оно весьма серьёзно было воспринято властями. Примерно через полчаса после начала выставки к месту её проведения была направлена группа, включающая три бульдозера, поливальные машины, самосвалы и около сотни милиционеров в штатском, которые стали теснить художников и собравшихся зрителей; часть картин была конфискована. Формально всё выглядело как гневная спонтанная реакция группы работников по благоустройству и развитию лесопарка. Нападавшие ломали картины, избивали и арестовывали художников, зрителей и иностранных журналистов. очевидцы вспоминают, как Оскар Рабин, повисший на ковше бульдозера, был фактически протаскан через всю выставку. Художников увозили в участок, где заявляли: «Стрелять вас надо! Только патронов жалко...»

После этого события, вызвавшего громкий резонанс в зарубежной прессе, советские власти вынуждены были уступить и официально разрешили проведение подобной выставки на открытом воздухе в Измайлово двумя неделями позже, 29 сентября 1974 года. Новая выставка представляла работы уже не 20, а более чем 40 художников, длилась четыре часа и привлекла, по разным данным, около полутора тысяч человек. Участник выставки – известный график Борис Жутовский – отмечал, что качество картин на вернисаже в Измайлово было несравнимо ниже, чем на первой, разгромленной, выставке в Беляеве, из-за того, что на «бульдозерной» выставке были только лучшие работы, многие из которых были уничтожены. Впоследствии, преимущественно в зарубежных СМИ, четыре часа в Измайлово часто вспоминали как «полдня свободы». Выставка в Измайлово в свою очередь дала дорогу другим выставкам неконформистов, имевшим важное значение в истории русского современного искусства. В январе 1977 года Рабина задержали по обвинению в тунеядстве и посадили под домашний арест. После его отказа эмигрировать в Израиль домашний арест заменили ночью в КПЗ. Через несколько дней Рабин получил предложение туристической визы в Европу и согласился уехать. Позже он вспоминал: «Для нас был важен сам принцип свободы передвижения: поехали по туризму, свободно вернулись... Впрочем, я решил, что без Вали (жены. – Ред.) не поеду. Там сначала разозлились, а потом выдали три загранпаспорта».

22 июня 1978 года, проведя 6 месяцев во Франции, Рабин получил приглашение из советского консульства. Генеральный консул зачитал художнику Указ Президиума Верховного Совета СССР, требующий «лишить советского гражданства Рабина Оскара Яковлевича, в связи с тем, что его деятельность позорит звание советского гражданина».

Маргарита Мастеркова-Тупицына, Владимир Немухин, Виктор Агамов-Тупицын (с работой Юрия Жарких), Сергей Бордачёв на «Бульдозерной выставке». Москва, 15 сентября 1974. Фото: Владимир Сычев

Свет жизни

Начало на с. 1

Из проповеди священника Георгия Кочеткова на Утрене в день открытия конференции «Длительная катехизация сегодня»

Я знаю многих замечательных людей в нашем Преображенском братстве, глубоко верующих, очень молитвенных, во всех смыслах замечательных: и способных, и талантливых, и образованных, и прочее, и прочее, но они не могут быть катехизаторами – только потому, что они склонны к унынию и его «близким родственникам» расслабленности и раздвоенности. И бывает иногда ужасно жалко: кажется, от самого человека зависит – от кого же ещё – преодолеть эти искушения, эти страсти и свой негативный настрой и в церкви, и в жизни, и в мире, но почему-то у некоторых людей это не получается.

Вы все, конечно, знаете, что у нас есть очень смешное требование к катехизаторам: не быть занудными. Занудный катехизатор снимается с катехизации. И не по педагогическим или психологическим соображениям, а по соображениям совершенно духовным. С этим занудством мы очень часто встречаемся и в нашем церковном учительстве – в манере богослужения, в проповеди, в стиле общения между людьми всех иерархических уровней. Это то, что приводит к унынию или исходит из уныния, и поэтому катехизация с таким трудом входит в приходскую жизнь.

Замечательные слова Христа, что Он Свет мира – это подлинное откровение. И может быть, это лучшее доказательство того, что Он – Бог, Сын Божий и Сын Человеческий. Мне кажется, не нужно никаких иных доказательств, если только ты соглашаешься с этими словами Христа, если твоё сердце радуется тому, что Христос – Свет мира и что у нас есть этот свет.

Мы очень сочувствуем древним неверующим иудеям (как, впрочем, и современным неверующим иудеям), потому что у них не было этого света, совсем не было. Мы очень часто не понимаем разницы между Ветхим и Новым Заветом по существу, а она в том, что, оказывается, можно знать о Боге, иметь за плечами отцов и пророков, очень уважать, почитать их, следовать их наследию – и при этом жить абсолютно без всякого света. Поэтому Христос и говорит: «кто не знает Меня, не знает и Отца». Мы поклоняемся Отцу постольку, поскольку узнаём во Христе явление этого Света жизни. Мы видим, что катехизация и есть организация такого внутреннего пространства – в том или ином человеке и между людьми в мире, в обществе – куда может войти этот Свет, этот Дух Божий. Ведь что делает катехизатор? Он не передаёт информацию, он не является в буквальном смысле слова учителем. Человека катехизированного можно дальше учить, а некатехизированного учить пользы мало. Катехизатор – это именно проводник к источнику Света для любого человека. И здесь мы чувствуем универсальность церкви, где действительно нет ни эллина, ни иудея, ни раба, ни свободного, ни мужского пола, ни женского... Для кого всё это ещё есть в жизни и имеет жизнеобразующее значение, тот ещё не принял в своё сердце этот Свет жизни, ещё не узнал Христа, не встретился с Ним.

Встретиться со Христом – это не психологические переживания, как нам сейчас это часто, к сожалению, навязывают некоторые западные наши братья. Это прежде всего значит встретиться со Светом жизни. Психологизировать встречу со Христом никогда не надо. Это, на мой взгляд, не только очень бесполезно и бесплодно, а просто вредно, потому что перекрывает важный стимул нашей церковной жизни, важнейший её смысл. Мы все должны стремиться встретиться со Христом, но только одним образом – жить во Свете Христовом, чтобы стать

светом миру, без всяких границ, без всяких различий, чтобы научиться видеть этот свет там, где не принято его видеть, или обличать тьму там, где принято видеть свет. Для этого нужна какая-то особая трезвенность, умение различать духи. Катехизатор это может больше, чем другие. Конечно, здесь нет никаких гарантий, понятно, что это дар Божий. Не человек распоряжается им, но человек может сделать так, чтобы Бог мог дать ему этот дар, чтобы ничто этому не препятствовало. Бог всегда хочет давать Свои дары всем, но даёт их по нашим силам, как таланты. И здесь нам есть над чем работать, что обсуждать, чем делиться – в каких бы обстоятельствах, в какой бы стране, среди какого бы народа или социального слоя мы ни жили. Это, конечно, очень вдохновляет, это может быть главным и единственным призванием в жизни христианина – быть светом мира, т.е., можно сказать, быть катехизатором. В каком-то смысле ради этого нас Господь и призвал в Церковь – чтобы мы для всего мира были светом. К этому призваны все, здесь нет иерархических различий.

...Много можно говорить о Евангелии от Иоанна. Здесь каждая строчка, как известно, располагает к тому, чтобы идти дальше и дальше, глубже и глубже. Но всегда надо где-то останавливаться. Приходится остановиться сейчас и мне, потому что диалог Христа с неверующими иудеями – это не просто диспут еврейского народа, который в нем продолжается, впрочем, до сих пор, а это всё-таки что-то глубинное, относящееся ко всем на все времена. Это мы иногда противостоим Христу, это мы Ему возражаем, это мы не понимаем, что говорит Господь, возвещая духовные тайны. Свет мира – это духовная тайна. Приобщение к этой тайне и есть наша главная задача, задача всей нашей христианской жизни, и конечно, жизни церковной.

Я очень рад тому, что у нас будет возможность по дискутировать и пообщаться. Я всем сердцем хочу, чтобы это было для каждого из нас откровением Света. Даже в случае каких-то человеческих разногласий или несогласий, которые всегда есть и всегда могут быть, ведь без этого никогда не бывает, даже среди святых, пусть является в нас и между нами Свет мира, пусть Христос будет посреди нас!

Аминь.

Три дня работы, размышлений, об

VI конференция СФИ по катехизации

На конференции обсуждались сложные, иногда очень тяжёлые проблемы современной катехизации, но общее настроение участников тем не менее оставалось светлым и радостным

Примеры из практики катехизаторов были яркими. Оказывается, иногда дерзновенные оглашаемые подходят к священникам в храмах и просят их сказать слово на литургии после чтения Писания или хотя бы после службы.

Многим участникам запомнился и диалог, описанный одним из гостей конференции.

Священник, понимая важность того, чтобы литургические молитвы были слышны, начал читать их вслух. Через несколько воскресений к нему подошёл регент:

– Пожалуйста, сегодня не читайте молитвы вслух, это удлиняет службу, а мне нужно уходить в определённое время.

– Если нужно, идите, допоем без Вас.

– Как? Кто?

– Подойдут те, кто недавно воцерковился: они службу знают, споют всё, что нужно.

Результат оказался неожиданным: молитвы были прочитаны вслух, регент никуда не ушёл, а новоцерковленные подпевали хору, стоя в храме.

Конечно, эти примеры иллюстрируют и те проблемы, с которыми сталкиваются оглашаемые: непонятный язык, долгие службы часто при невозможности присесть, отсутствие проповеди и чтения так называемых «тайных» молитв. Поэтому задача катехизатора помочь катехумену полюбить православное богослужение, научиться его понимать и участвовать в общей молитве остаётся непростой.

Обращение к истории

На следующем круглом столе – «Практика длительной катехизации в современных церковных условиях» – разговор во многом продолжился, но приобрел и ещё одно измерение: исторический контекст. Об одной из связанных с этим тем сказал в своём заключительном слове священник Георгий Кочетков: «Очень важным было то, что сказала Юлия Валентиновна Балакшина. Исторический опыт братской жизни решает многие вопросы. Когда мы можем сослаться на исторический прецедент реально бывшего в истории нашей церкви, пусть и не общераспространённого, опыта, это часто звучит убедительно и для мирян, и для иерархии нашей. На Руси братства существовали с XV века, и во вселенской церкви, более древней, подобный опыт тоже был. Православие всерьёз защищали последние тысячелетия прежде всего братства. И то, что они действительно могли держать на себе эту ситуацию, каким бы ни был напор со стороны внешних сил, – это чрезвычайно важная историческая реалья, на которую можно опираться и в наше время.

Может быть, тем, кто в первый раз

был на конференции, то, что сейчас говорилось, показалось даже фантастическим или очень странным, во всяком случае непривычным. Но на самом деле это вещи, которые исторически долго и многообразно обсуждались в нашей церкви, которые имеют свои решения, которые имеют в церкви свою традицию. Просто мы почти ничего не знаем об этом. Мы не знаем историю братств, мы не знаем историю общин нашей церкви. А если бы мы это знали, мы бы очень многие вещи делали бы как следует и не боялись бы».

Прихожане, захожане и прохожане

Поиску ответа на трудный вопрос – кто готов пойти на длительное оглашение? – был посвящён круглый стол «Проблемы предварительной миссии и приглашения», с которого начался второй день конференции.

Когда заходит речь о длительной катехизации, всегда первым звучит вопрос – кто будет её проходить? Придут ли на неё люди, которые заняты работой, подавлены проблемами дачи, семьи и пр.?

Каков может быть мотив для прохождения длительной катехизации у прихожан – тех, кто регулярно посещает храм, бывает на исповеди и причащается? Казалось бы, достаточно батюшке благословить их на длительную катехизацию, и благодарная паства должна с радостью включиться в процесс. Однако пастырский опыт священников, участвовавших в конференции, показывает, что дело обстоит не совсем так. Оказывается, прихожане и захожане среднестатистического прихода похожи по внутренним характеристикам: прихожане – это бывшие захожане, которые стали чаще ходить в храм; они больше верят в Бога, но это не воплощается в каких-то конкретных делах; они более начитанны, но несколько бессистемно. Многие прихожане и практически все захожане – это люди, которые выстаивают богослужения, но в основном думают о себе и о своих трудностях, и вместо участия в общей молитве молятся о себе и своих близких. Поэтому у них нет желания лучше знать богослужение, им мешает священник, который читает «тайные» молитвы вслух или проповедует. Недаром у священника, решившего начать катехизацию на среднестатистическом приходе, могут опуститься руки. Но, уделяя внимание людям и прилагая усилия, можно выявить тех, кто готов пробудиться к чему-то большему, ищет глубины и подлинности церковной жизни.

Как выяснилось, когда катехизатор, мирянин или священник, задумывается о том, где же находится «нива Господ-

Общения и вдохновения

Начало на с. 1

ня», он часто приходит к выводу о том, что она вне храма. Общение с прохожими удивляет тем, как много на самом деле людей, ищущих Бога, но по тем или иным причинам не посещающих храм – чаще всего из-за предубеждений по отношению к церкви или в силу предыдущего травмирующего опыта.

На круглом столе зашёл разговор о том, как и кто должен свидетельствовать о Христе, пробуждать жажду познания Бога. Участники сошлись во мнении, что сейчас у подавляющего большинства священников и мирян представление о миссии искажено – люди свидетельствуют не о Христе, а об обряде по принципу: «Тебе плохо? Пойди исповедуйся, причастись и закажи сорокоуст в 7 (или 15, 70 и т. д.) храмах». Миссионерами могут быть именно те люди, которые «пробудились для Христа», те, кто понял, что принятие Христа требует жизни по вере, отречения от тех вещей, которые в сердце занимают место Христа.

Также миссионер, мирянин или священник, должен быть готов стать другом людей, к которым обращено его свидетельство, взять за них ответственность. Здесь ярким примером был рассказ священника, служащего на сельском приходе, который говорил о своём опыте создания дружеских отношений и преодоления стереотипов в условиях изначального недоверия к нему как к священнику. Это оказалось возможным даже в селе, при этом под дружбой понималось именно общение, в том числе и по духовным вопросам, а не стандартные «шашлыки, водка, праздник».

Среди форм миссии, которые могут использоваться для выявления ищущих, назывались самые разные варианты: встречи по чтению Евангелия, миссионерские экскурсии, индивидуальные беседы и многие другие. Однако принципиальное значение имеет так называемая «коллективная миссия», когда общность, община из 10, 30, 300 человек показывает, что она способна жить вместе по Евангелию.

В завершение круглого стола отмечалось, что ключевой момент для начала длительной катехизации – вопрос о мотивации потенциальных катехуменов: они должны верить в Бога, признавать себя христианами и хотеть ими быть, даже если сами люди это так не формулируют. Перед миссионером и катехизатором стоит сложная задача – ни в коем случае не насилуя человека, подвести его к выбору, сделав который, человек может стать оглашаемым и пойти по пути вхождения в полную жизнь по вере.

Об ошибках

Круглый стол «Проблемы катехизации “слушающих” и “просвещаемых”»: типичные ошибки катехизаторов и их помощников» прежде всего (что вытекало из его названия) касался грустных тем. Поэтому, может быть, неслучайно в заключение о. Георгий решил немного утешить его участников: «Сейчас, даже когда мы слышим о том, что на приходах перед крещением есть полвстречи, одна встреча, полторы встречи, конечно, нужно радоваться и веселиться. Да, можно сказать: это не катехизация вообще. И это будет справедливо: нормальная катехизация – она одна; или она есть, или её нет. Да, она может быть фрагментарной по разным обстоятельствам, для особенных катехуменов. Но даже в этих случаях есть главные вещи, которыми нельзя пренебрегать. И если смотреть с пессимистической точки зрения, то как оглашения не было в церкви, так его и нет, за редчайшим исключением».

Но мне кажется, что из нашего разговора можно сделать другие выводы. Потому что куда-то что-то поехало. Никто не знает, куда. Ни один человек не ответит на этот вопрос, если он здоровый человек. Конечно, опасно, можно захватить не туда. Но уж коли куда-то поехало, то

есть предмет для обсуждения, для размышления. И это на самом деле хорошо – трудно, но хорошо.

У всех нас на глазах за последние 10–20–30–40 лет происходили разного рода коррективы – в лучшую сторону, в худшую сторону, по-разному. В разных местах в разное время всё было по-разному. И тем не менее коррективы происходят. Скажем, раньше о длительной катехизации в церкви нельзя было даже говорить. А сейчас уже спокойно можно говорить о разных видах катехизации.

Да, наш сегодняшний разговор очень чётко показал, что катехизации в полном смысле слова в церкви пока нет. Есть некое движение, которое расценивать можно по-разному. Но оно есть, и вот это, мне кажется, важно признать. А наша общая задача – сделать его более определённым и качественным».

Мы все призваны к спасению

Три круглых стола на конференции были посвящены теме оглашения «особенных» катехуменов в церковно-приходских условиях. В рамках этой темы в течение двух дней говорили о молодежи, пожилых, больных и умирающих и о катехуменах с нехристианским духовным опытом, то есть мусульманах, иудеях, людях, имеющих языческий и оккультный опыт, о партийно-государственных деятелях, бизнесменах и даже о постоянных прихожанах.

Со стороны может показаться странным, почему именно эти категории оглашаемых были выделены для отдельного обсуждения. Однако у катехизаторов-практиков такого вопроса не возникало: при всех различиях перечисленных выше категорий оглашаемых всех их объединяет одно – серьёзные сложности при прохождении катехизации. На столько серьёзные, что обычная система оглашения, рассчитанная на «обычных» людей, слишком часто в этих случаях не даёт необходимого результата. Этим людям по разным причинам приходится прикладывать гораздо больше усилий, чтобы по-настоящему воцерковиться, а не просто пройти оглашение «для галочки», «по касательной».

Как ни удивительно, но достаточно трудно бывает оглашаться постоянным прихожанам, по крайней мере, тем из них, кто основное содержание церковной жизни видит не во Христа, а в букву, не ради Него, а ради себя самих – своего спасения, своего совершенствования, в конце концов, своего возвышения над теми, кто не таков. ещё хуже достаточно часто встречающееся магическое отношение к таинствам: «Вам нездоровится? Изменяет муж? У ребенка колики? Сходите исповедуйтесь и причаститесь – и Господь поможет». Подобные советы не предполагают личного покаяния, изменения жизни, обращения к Богу не как к таблетке, а как к живому любящему Отцу. Наоборот, считается, что не ты будешь поступать по воле Бога, а Он будет исполнять любую твою прихоть. Увы, тысячи и десятки тысяч людей прислушиваются к таким советам.

Описав эту трагическую картину с множеством примеров из практики, участники конференции постарались определить те возможности, которые есть именно у постоянных прихожан. Ведь у таких людей есть особые качества, которые могут помочь им в оглашении: навык в постоянном чтении Священного писания, если такой есть (к сожалению, он бывает очень редко), понимание необходимости молиться дома и в храме, желание избавиться от личных грехов. А главным условием,

при котором постоянный и уверенный в истинности своей веры прихожанин может всерьёз пройти катехизацию, изменить цели своей христианской жизни в соответствии с Евангелием и святыми отцами, – это, конечно, тот глубинный импульс поиска Истины и подлинности, который когда-то, пусть и давно, привел его в православную Церковь.

Круглые столы поднимали и другие не менее острые и горячие вопросы, с которыми сталкивался почти каждый катехизатор. Участники приводили живые и трогательные примеры обращения к Богу и прохождения катехизации большими, умирающими, глубокими стариками. В частности, говорили о том,

– почему молодёжь до определённого возраста не может проходить полноценную катехизацию и в связи с чем пример подлинной христианской жизни для них важнее, чем для взрослых;

– как пожилым людям достигать глубины личной молитвы и преодолевать физические немощи;

– как помогать оглашаться душевнобольным, не разрушая ни себя, ни оглашаемую группу, и как их отличать от одержимых, страдающих прежде всего подавленностью воли; почему душевнобольных стоит скорее отправлять к психиатрам, а не к психологам или психотерапевтам;

– как помочь тяжелобольным увидеть в Боге не только и не столько надежду на исцеление, сколько Живого Бога, в общении с Которым они нуждаются постоянно;

– каковы минимальные критерии готовности к оглашению у тяжелобольных и умирающих; как оглашать людей с потерей речи, например, после инсульта и др.

Этот круглый стол показал, как явно помогает Господь в самых тяжёлых и безвыходных ситуациях. Были и настоящие практические находки, которые при желании можно применять везде и всегда. Например, отец Пётр Боев из Красноярска рассказал, что когда его приглашают исповедовать умирающих, он всегда просит родных до его прихода почитать вместе с этим человеком Евангелие и просто помолиться своими словами о том, чтобы Господь посетил и даровал видение своих грехов и их прощение. В итоге, когда священник приходит к такому умирающему, у него уже совершенно другие глаза, он готов к покаянию и общению на глубине.

Также стало очевидно, насколько в таких тяжёлых случаях важно участие церковной общины или братства – христиан, объединённых неформальным общением. Без этого довольно трудно призывать «особенных» катехуменов к евангельскому крестоношению, к преодолению представления, что это им все должны, к пониманию, что они сами

тоже могут как-то по-своему послужить Господу, несмотря на все свои немощи.

На последнем круглом столе, посвящённом проблемам катехуменов с нехристианским духовным опытом – мусульман, иудеев, а также тех, кто имел языческий и оккультный опыт, бывших партийно-государственных деятелей, бизнесменов – участники обсудили особенности каждого из этих типов катехуменов и возможности помогать в этих случаях на оглашении. Обсуждение подтвердило известное утверждение отцов-аскетов о том, что духовный разврат всегда гораздо тяжелее разврата душевного или телесного и гораздо сложнее поддается исправлению. Не случайно именно такие категории катехуменов оглашались в древности по 3–5 лет в отличие от обычных оглашаемых, которым хватало 2–3 лет на полное оглашение.

На этом круглом столе участники конференции коснулись вопроса о предательстве. Иуда, как известно, раскаялся, пришёл к старцам, признал свой грех, вернул деньги – и всё-таки повесился и, на сколько человеку возможно об этом судить, не обрёл спасения. О таких вещах трудно говорить с оглашаемыми, особенно если они – немолодые, уважаемые, богатые люди. Катехизаторы вспоминали о случаях, когда оглашаемые приходили к покаянию за то, что в советское время служили в КГБ, совершившем в те годы столько зла против собственного народа и страны. Тем более приносили покаяние осведомители. И всё же людям, совершившим такого рода грехи, гораздо труднее не только прийти к Богу, но и остаться в Церкви, не совершить очередного предательства уже после окончания оглашения.

На оглашение все приходят «кушанные змеи», у каждого в организме свой яд – один или другой. Однако кем бы человек ни был, каждый призван Богом ко спасению. Сегодня большинство людей приходит на оглашение со смертными грехами, и самые тяжёлые из них – не бытовые, а античеловеческие: предательство, клевета, доносительство. Выход из них всегда один: отказ от всякой раздвоенности жизни и веры, стремление всегда, по слову апостола, слушать Бога более, нежели человека, служение Богу целиком, а не посвящение Ему лишь кусочка своего сердца. Но для того чтобы обрести такую внутреннюю бескомпромиссность, оглашаемым, а часто и их катехизаторам, нужно очень многое в себе преодолеть.

В обзоре использованы репортажи Софии Андросенко, Дарьи Макеевой и Анастасии Наконечной, опубликованные на сайтах Свято-Филаретовского института и Преображенского братства

Во время многочисленных перерывов разговор можно было продолжить

«Катехизатор должен жить тем, о чём говорит»

Интервью с участниками конференции

Что бы Вы посоветовали священнику или мирянину, который собирается впервые заняться всерьёз длительной катехизацией, вводить её в своём окружении, на своём приходе? От каких опасностей Вы бы его предостерегли, какие бы советы ему дали?

Игумен Агафангел (Бельх): По-дружески я бы ему посоветовал прежде всего чётко понимать, что он будет совершать, и понимать, что мы хотим получить в итоге. И самое главное – понять, что человек, который совершает катехизацию длительное время, должен не просто сообщать какую-то информацию, некий «пакет

знаний», а говорит. И прежде всего делится своим опытом, своей верой, частью своей жизни. И тогда всё получится.

Протоиерей Александр Лаврин: Самая главная опасность – это разочарование священника в тех, кого он хочет оглашать. А совет – набраться терпения, по мере наступления разочарования просить: мне нужно, Господи, от Тебя Твоего терпения, дай мне на них посмотреть Твоими глазами, и мне это зрение подари, потому что у меня с моим зрением будет только разочарование. Я о себе говорю прежде всего. (Смеется.)

Отец Георгий часто говорит, что люди по сердцу своему лучше, чем они сами от себя ожидают.

О. Александр: Это как раз слова того, кто причастен к зрению Господню. Это значит: я посмотрел и увидел в человеке образ Божий и удивился. Он – другой, и это меня не раздражило, а это меня вдохновило, наполнило и восполнило.

Священник Пётр Боев: Как это и было принято в православной церкви, всякое слово научения должно быть словом предания. У Предания есть две возможных формы: либо книжная, либо живая, и живая превосходит, поэтому надо постараться и поискать живой опыт предания Церкви. Здесь могут случиться сложности, потому что катехизацией сейчас называют всякую учительскую деятельность в церкви. И надо разбираться и смотреть на плоды. Если в результате катехизации возникает какая-то общинность – где-то братство, где-то единение, и люди живут в духе любви и союзе мира и хотят Богу служить, это подлинная катехизация. Если в результате катехизации людей просто куда-то отправляют: дальше вы сами, идите, делайте что-то там на приходе, возникает вопрос.

Если посмотреть по-апостольски, то в идеале в рамках одного города должно быть так: катехизаторы должны собираться где-то вместе, а потом уже как плод их единства они могут идти и служить в разных местах. Но я не думаю, что сегодня это возможно. И все-таки теоретически те люди, которые хотят явить подлинную церковность, должны являть соборность.

Поэтому один человек этого сделать не может. Это очень сложно. Он может ра- деть за это, начать собирать. И молиться, чтобы Господь начал собиране Церкви. Но, тем не менее, лучше всего обратиться туда, где есть опыт.

Опыт подлинный есть не на каждом углу, поэтому придётся поискать. Но, однако же, он есть, и он, как правило, очень громкий – то есть о нём где-то слышали, о нём говорят. Во всяком случае, Господь поможет его найти.

Плюс к тому есть определённые творения, труды и книги. Надо поискать труды Отцов Золотого века, с I по IV, взять их и посмотреть, что же там было, хотя бы как-то прикоснуться к этому опыту.

Что может напугать (я по своему опыту говорю), что пугает у нас людей? Вот, дескать, у вас длительная катехизация, а у баптистов тоже длительная. Надо от этих страхов освободиться. Очень может быть, что в некоторых христианских неправославных направлениях какие-то вещи важные для всех нас оказались сохранены. Здесь надо быть немного историком, чтобы увидеть этому какое-то адекватное объяснение. Например, учитывать, что когда православие пришло к нам из Византии, это уже был период упадка всякой катехизации.

В целом же я бы посоветовал две вещи: живой опыт и подлинные настоящие труды. А там Господь поможет и поддержит.

Священник Виталий Фонькин: Я бы, во-первых, постарался объяснить ему всю серьёзность дела и сложность. Я бы посоветовал не сразу что-то пробовать (если он только ещё начинает это служение), а познакомиться с тем опытом, который существует у нас в церкви. Например, познакомиться с опытом огласительной практики, который уже много лет практикуется в Свято-Филаретовском институте, и даже самому поучаствовать в качестве оглашаемого в этом опыте. Потому что действительно очень важно самому прожить и прочувствовать какие-то моменты оглашения на себе.

Я бы, наверное, сказал о тех ощущениях, которые у меня были перед началом катехизации. Часто бывает так, что люди понимают катехизацию как довольно простой процесс, которым может заниматься любой мирянин, даже не очень-то и образованный. Это кажется каким-то первоначальным научением в вере, для которого достаточно элементарных знаний. Но мой личный опыт говорит о том, что когда все-таки начинаешь разбираться, это оказывается довольно сложным делом. Во-первых, нелегко говорить о сложных вещах просто. Во-вторых, требуется действительно глубоко разбираться во многих вопросах богословия: хотя они, может быть, впрямую не понадобятся оглашаемому, тем не менее сам катехизатор должен знать раза в три или в пять больше того, что говорит.

И ещё я бы постарался поставить перед ним вопрос: как он понимает, к чему должна вести катехизация? Я попытался бы рассказать, что это не процесс обучения, не лекция; важно, чтобы человек встретил Бога, пришёл к подлинному покаянию и изменению своей жизни. Чтобы произошло преображение, внутреннее изменение человека.

А к Вам уже кто-то обращался с подобным вопросом в жизни?

О. Виталий: Ко мне один священник обращался с таким вопросом, и когда я стал рассказывать, он во многом был со мной согласен. Но, насколько я понимаю, сейчас это дело у него не сдвинулось с

мёртвой точки, потому что нет взаимопонимания между ним и его настоятелем.

Священник Дмитрий Третьяков: Это сложный вопрос. Я сам оказался в такой ситуации, когда начал в храме проводить краткую катехизацию и понял, что этого, конечно, недостаточно.

Тогда я начал этим вопросом заниматься, узнал об опыте Преображенского братства, о. Георгия. Я начал с этим опытом знакомиться и пришёл к пониманию того, что пока изнутри этого не увидишь, всё бесполезно. Книжки никакого толка не дают, пока ты сам этот опыт не пережил. Помню свои ощущения на первой конференции по катехизации, в которой я участвовал. Такое чувство, что люди говорят на другом языке: ты вообще не понимаешь, что происходит, о чём идёт речь. И пока не соприкоснёшься с этим опытом напрямую, изнутри, с личным каким-то переживанием, то ничего не поймёшь.

То есть Вы посоветуете другу идти на оглашение?

О. Дмитрий: Если человек воцерковлен, это можно как-то по-другому назвать: восполнение, утверждение. Но это нужно пройти изнутри, иначе ты не поймёшь, с чем сталкиваются люди, которых ты оглашаешь.

Алексей Волков, штатный приходской катехизатор: Самое главное – самому разобраться в том, что такое катехизация. Не то что прочитать определённые книги, а именно пожить своим сердцем. Потому что опыт конференции показал: каждый воспринимает всё по-своему.

Ну и сразу хотел бы предупредить, чтобы он набрался мужества. В Священном Писании написано: если ты начинаешь делать Божье дело, будь готов к очень серьёзным испытаниям. И что касается катехизации, здесь это особенно проявляется. Человек будет встречаться с очень серьёзными искушениями.

Ещё одна важная мысль, которая очень ярко прозвучала на конференции: если по-настоящему подходить к катехизации, изначально сам катехизатор должен приложить все усилия, чтобы стать другом своему оглашаемому. Для меня это так серьёзно прозвучало, потому что всё, что я пытался раньше делать, имело несколько академичный характер.

Но мы ведь говорим, что катехизатор – иерархическое лицо для оглашаемого. Как это совмещается с дружбой?

А. Волков: Я понимаю, что это очень трудно. Здесь, может быть, какая-то дилемма и возникает, но если дружеских отношений не будет совсем, а будет только жёсткая иерархическая граница, ничего не получится. Конечно, иерархия должна сохраняться, но где-то должно быть место для открытых отношений. В какую меру – это уже вопрос искусства, вопрос опыта, но это должно быть обязательно.

Артём Шарафудинов, секретарь Миссионерской комиссии при епархиальном совете гор. Москвы: Что нужно сделать? Поддержать священноначалия, потому что длительная катехизация – процесс,

непривычный для нашего населения и вызывающий, к сожалению, сопротивление народа. Причём это сопротивление может быть двух родов: и человеческое, и духовное. По-человечески люди могут жаловаться, потому что им это непривычно, что же касается духовного сопротивления, там могут быть разные варианты, разные искушения.

Поэтому я считаю, что, конечно, нужно, чтобы была за спиной какая-то поддержка в обоих ключах – и духовном, и церковно-административном, потому что иначе очень сложно вести эту деятельность.

Ещё нужна команда. Одному такое дело делать очень опасно и сложно. Нужно собрать некую маленькую микро-миссионерскую группу, которая могла бы вместе с человеком этим заниматься.

Ещё один момент: человеку, берущемуся за длительную катехизацию, нужно знать, куда он ведёт людей. Потому что ты можешь обратиться и даже катехизировать человека, но очень часто я сталкивался с тем, что когда он попадает в реальность какого-то прихода, который ближе всего к его дому, то встаёт вопрос некоего несоответствия того, что он изучал на катехизации, реальной приходской жизни. У него может возникнуть непонимание, почему многие люди не знают веры своей полноценно. На том или ином приходе могут существовать и какие-то непонятные традиции, которые не свойственны христианству, его изначальной сути. Поэтому нужно четко задать себе вопрос, в какой храм ты ведёшь людей, и иметь согласие настоятеля и священников, чтобы они были готовы к принятию этого человека.

А у вас есть такой опыт общения с пастырями, которые потом будут принимать людей?

Да, конечно. Я много лет занимаюсь миссией и отчасти катехизацией, и как её провести – понятно, даже, может быть, понятно, какие примерно будут искушения, проблемы. Но не всегда понятно, что дальше. Куда человек идёт? Создавать какую-то квазиобщину, члены которой не ходят в приход и которой я сам руковожу как миссионер, катехизатор и глава общины, не всегда хорошо. А привести порой некуда.

Поэтому если говорить о более или менее массовой ситуации, то разумнее всего договариваться непосредственно со священниками какого-то прихода, где ситуация более или менее здоровая, готовы принимать новых людей и хорошо к ним относятся. И чтобы священники брали человека на душепопечение.

Сергей Бурлака, катехизатор: Я думаю, что самый важный совет здесь – это то, о чём говорили на конференции: нужно выйти из «зоны комфорта», которой для катехизатора может быть как храм, так и другое пространство, где он себя очень уютно чувствует, но где пока что чувствует себя не очень уютно будущей оглашаемый. И для успешности катехизации необходимо выйти из собственной зоны комфорта и войти в ту территорию, которая будет комфортной для другого человека. Для священника это часто – выйти из храма, за территорию церковной ограды. Для человека, находящегося в какой-то церковной общине, – выйти из среды своей церковной общины и пойти туда, где собираются люди. Это требует мужества (я по себе это чувствую), требует отваги, смелости, требует победы над всякой скукой и занудством. Но это принесёт свои плоды. Фактически, это миссионерский шаг. А там найдутся люди, которые готовы будут пойти на длительную катехизацию.

Вопросы задавали Анастасия Наконечная, Александра Колымагина

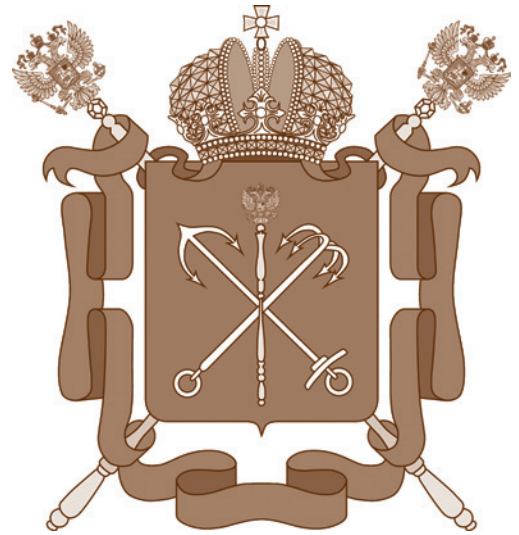
От составителей

Петербургская епархия со времени своего образования всегда имела некоторые особенности. Одной из них стало широкое распространение братского движения, воспринимавшегося не как одна из организационных форм, а как поиск полноты и подлинности христианской жизни (что может показаться удивительным для холодной имперской столицы). Священник Александр Гумилевский, основоположник этого движения, в 1861 году писал: «Современные братства только принимают название “братства”, но мало заботятся о возрождении духа братства, заповеданного Спасителем. Мы должны заботиться о том, как воскресить в народе нашем дух истинно братской любви к своим собратьям, а не о том, как сформировать то или иное общество...» К 1917 году в городе было несколько десятков братств. Однако подлинный всплеск братского движения произошёл после револю-

ции: в эпоху разрушения всего и вся многие миряне принимали на себя ответственность за церковь, стремясь защитить её от поругания и уничтожения. Начиная с защиты церковных стен, братства, углубляясь в единении и устроении жизни по Евангелию, вскоре приходили к пониманию, что защищать нужно прежде всего само братское общение. Почти 100 лет назад в Петербурге был основан Союз православных братств. Многие братчики погибли в 1920–1930-е годы, последним из членов Союза в 1932 году было окончательно разгромлено Александро-Невское братство. Но память о братской жизни сохранялась вплоть до отмены антицерковных законов в конце 1980-х и возникновения новых, пусть пока немногочисленных и немощных, братств.

В этом номере «Регионов» мы расскажем об истории и о современной жизни братского движения Петербурга.

Юлия Балакшина, Анастасия Наконечная

Герб Санкт-Петербурга

Обещаю защищать святыни Лавры до смерти

Александро-Невское православное братство возникло для защиты Лавры в 1918 году. Это был чуть ли не единственный в советской истории случай, когда властям не удалось отобрать у верующих монастырь.

Удивительная собранность и готовность действовать со стороны верующих была неслучайной: жизнь в епархии, которую возглавил всенародно избранный митрополит Вениамин (Казанский), подготавливала их к приближавшейся буре. Своей основной задачей владыка видел соби́рание верующих «вокруг Христа, Христова делания, а не вокруг политических задач». Одним из наиболее часто встречающихся слов в его проповедях и выступлениях было «единение». В 1917 году он создал Союз церковного единения, объединявший духовенство и мирян города, а позже – многотысячное Братство приходских советов. Не случайно именно при митрополите Вениамине появилось и Александро-Невское братство.

С первых дней после Октябрьского переворота власть начала отбирать у церкви храмы, и почти всегда ей это удавалось. Однако когда была сделана попытка захватить Александро-Невскую лавру, верующие встали на её защиту. Для них это был не просто монастырь, а один из главных центров церковной жизни страны. Защита Лавры означала защиту самой Церкви и православной веры.

Что же произошло в Петрограде в те дни? После официального требования наркома Комиссариата государственного призрения Александры Коллонтай сдать все «дела по управлению домами, имуществами и капиталами Лавры», поступившего 14 января 1918 года, духовенство и миряне города собрались для определения дальнейших действий. И было решено «твёрдо заявить народным комиссарам, что православный русский народ не допустит отобрания имущества у

монастырей и храмов, не допустит поругания его заветных святынь». Резолюцию подписали митрополит Петроградский Вениамин, оба его викария и все присутствовавшие, подписные листы были разосланы также по храмам города.

Несмотря на это, в субботу 19 января, не дождавшись добровольной сдачи Лавры, власть отправила вооруженный отряд с целью захвата обители силой. Набат из Лавры привлек целый поток людей, устремившихся в обитель. Настоятель Скорбященского храма протоиерей Пётр Скипетров, известный священник, попытался остановить солдат, обратившись к ним с речью, но был смертельно ранен. Возмущённые горожане разоружили солдат, и те вынуждены были уйти ни с чем.

В воскресенье 20 января митрополит Вениамин пригласил всех православных на общегородской крестный ход в защиту Церкви. Взволнованные происходящим люди горячо откликнулись на призыв владыки. Многие перед крестным ходом исповедовались и причащались, говоря: «Пойдём, хотя бы и на расстрел».

Крестный ход из храмов города к Лавре собрал, по церковным оценкам, до полумиллиона человек (по данным властей – пятьдесят тысяч). Митрополит Вениамин обратился к множеству людей, не вместившихся в собор и заполнивших всю Александро-Невскую площадь: «Родина наша, некогда Русь святая, превратилась в пещеру погребальную. И наполнена эта пещера телами людей, которые ходят, действуют, много говорят, но которые духовно мертвы для веры, для блага родины, для любви и сострадания к ближним и для голоса совести своей... Бывшие дорогие братья наши, дети общей семьи, знайте, что невозможно бороться с Богом, нельзя искоренить веру. Гонения на веру только укрепляют её».

Обещаю защищать святыни Лавры до смерти

Начало на с. 1

Владыка просил всех быть готовыми «пострадать даже до самой смерти» за Христа. Как ответ на этот призыв родилось уникальное по многим своим качествам Александро-Невское братство. При создании его назвали Братством по защите святынь Александро-Невской лавры: поначалу своей единственной целью братчики видели защиту монастыря. О решимости, с которой новорожденное братство приступило к защите святыни, говорят принятые в нём обеты: «На собрании братства было принято решение, что “все действительные члены братства обязаны дать торжественное обещание перед ракой Александра Невского защищать святыни Лавры до смерти; те же лица, которые такого обещания не могут дать по тем или иным мотивам, могут быть только членами-соревнователями братства без права решающего голоса”»*.

Через год угроза конфискации Лавры миновала, и братство значительно расширило свою деятельность. Оно помогало репрессированным и их родным, поддерживало больных, серьёзное внимание в братстве уделялось духовному образованию. В нём существовало несколько кружков – литургический, философский, богословский, два кружка по изучению монашества – мужской и женский. Одной из основных задач братские отцы считали подготовку молодых образованных священнослужителей, что в условиях ограничения, а затем и полной ликвидации духовного образования позволяло воспитывать будущих епископов и пресвитеров.

Возглавляли братство три молодых иеромонаха – насельники Лавры: Иннокентий (Тихонов) и два родных брата Лев и Гурий (Егоровы), а членами становились не только монахи или высокообразованные миряне, профессора петроградских вузов, но и мещане, рабочие, ломовые извозчики, счетоводы, пенсионеры. Принимались все «преданные религии люди».

Впоследствии братство пережило несколько волн гонений, сопровождавшихся массовыми арестами. Последняя из них пришлась на февраль 1932 года: в ОГПУ забрали практически всех членов братства и монашествующих города, монастырь был закрыт.

Часть уцелевших после ссылки и лагерей братчиков поселились под Боровичами Новгородской области – на родине своих духовных отцов Льва и Гурия. Большинство из них, включая ныне прославленных как новомучениц Екатерину Арскую и Киру Оболенскую, были расстреляны в 1937–1938 годах. Ещё одним местом поселения членов

Члены приходского совета Александро-Невской лавры, многие из которых – из Александро-Невского братства. В центре митрополит Вениамин (Казанский). Четвертый справа от него в верхнем ряду – иеромонах Лев (Егоров). Третий от правого края иеромонах Иннокентий (Тихонов), а пятый – иеромонах Гурий (Егоров). Это три основателя Александро-Невского братства. 17 мая 1920 г. День святой Троицы. В Александро-Невской лавре.

братства стала Средняя Азия, где чудом остался в живых единственный священнослужитель братства архимандрит (впоследствии – митрополит) Гурий (Егоров). Вокруг него собралась община из двадцати человек, основу которой составляли члены Александро-Невского братства.

Братья и сёстры продолжали поддерживать друг друга в лагерях и ссылках: отправляли посылки, вели активную переписку, при первой возможности навещали друг друга. В 1960-е годы, когда уже ставшего митрополитом Гурия постоянно перемещали с кафедры на кафедру, с ним переезжали некоторые члены братства. Независимо от внешних условий братья и сёстры жили так, как когда-то писал епископ Иннокентий (Тихонов): «Братство есть старая, но забытая и обновляемая форма церковной жизни. Оно есть жизнь церкви в Церкви, которая не есть какое-то внешнее учреждение, но, напротив, семья наша, истинное единение наше во Христе».

Анастасия Наконечная, сайт Преображенского братства

* Журнал «Прибавление к Церковным ведомостям», 1918. № 5.

О православных братствах Санкт-Петербурга: прошлое и настоящее

Христорождественская церковь на Песках. Фото Н.Г. Матвеева, 1900-е гг. В 1934 году церковь была разобрана

XIX век

Христорождественское братство о. Александра Гумилевского (1861–1866)

Забота о народном просвещении не только в смысле обретения грамотности, но и как укрепление в основах веры стала импульсом, приведшим

молодого петербургского священника о. Александра Гумилевского к идее создания братства. Целью приходского братства при Христорождественской церкви на Песках было «раскрывать народу свойства истинной христианской любви и располагать его на дела разумной благотворительности бедным». Братство было открыто для всех христиан; в него приглашались «духовные и светские, мужчины и женщины, знатные и простые». Поскольку идея братства в русском обществе воспринималась настороженно («многие знают о православных церковных братствах

только по слухам и смотрят на предполагаемое братство как на что-то новое, необычное и поэтому невозможное у нас»), о. Александру пришлось заниматься ее апологетикой, доказывать, что братство – «дело весьма древнее». Он апеллирует к опыту братств Юго-Западной Руси и, что характерно почти для всех братств, к опыту первохристианской церкви.

Отца Александра Гумилевского по праву называют «основателем церковных братств на Руси в новейшее время». Начатое им движение было законодательно оформлено законом Российской

империи от 8 мая 1864 года «Основные правила для учреждения православных братств». В ситуации глубинного сдвига в русском обществе он почувствовал, что именно церковное братство может быть скрепой, соединяющей сдвинувшиеся пласты русской жизни, преодолевающей сословную рознь взаимной любовью, которую были соединены первые последователи Христа.

Начало XX века

Братство о. Иоанна Егорова (1901–1914) – братство Святого Креста

при Училище лекарских помощниц – явилось своеобразной реакцией на усиливающуюся разобщённость русского общества и ослабление напряжения христианской жизни. До появления о. Иоанна братство

Церковь Марии Магдалины при Училище лекарских помощниц

занималось благоустройством храма, помощью больным и устройством внебогослужбных собраний по современным церковным вопросам. Отец Иоанн Егоров сместил акценты с внешней деятельности братства на его внутреннее устройство. Особый интерес для понимания целей братства представляет собой брошюра «Что такое братство Святого Креста?», в которой о. Иоанн формулирует основные принципы и направления братской жизни:

1. «Если Братство наше должно быть церковью, то первое и главное, в чём выразится жизнь нашего Братства-церкви, – это соборная, едиными устами и единым сердцем молитва в храме». Члены братства призываются объединяться в молитве друг с другом и устранять все внутренние и внешние препятствия к этому. Внешние препятствия – неблагоприятное поведение в храме (шум, разговоры, ненужные хождения и т. д.); внутренние – гордое, себялюбивое выделение себя из других.

2. Духовная взаимопомощь – второе направление братской жизни. Отец Иоанн характеризует духовное состояние эпохи как отчуждение и одиночество. Одиночество житейское, интеллектуальное («в мыслях»), духовное («религиозное») очень трудно переживается людьми. «Нужде материальной или пьянству в большинстве случаев предшествовала нужда в ласковом слове, в искреннем сочувствии». Поэтому члены братства, когда видят страдающего или слышат стоны умирающего, должны «помочь, утешить, ободрить, успокоить, поддержать...»

3. Наконец, третьим направлением братской жизни о. Иоанн называет помощь нуждающимся. При этом он говорит, что не имеет смысла пытаться

спасти сразу всех. «Лучше, сколько можем, пойдём на помощь. Изберём хоть одного, и ему поможем как следует. Всех не вырвем, но одного-двух каждый может спасти».

После 1917 года в Петрограде возникает множество братств – о них упоминается в статье об Александро-Невском братстве на с. 1–2.

Наше время

В наше время в Санкт-Петербурге также существуют братства. Очень кратко – о нескольких из них:

Благотворительное Братство святой великомученицы Анастасии Узорешительницы было создано в 1992 году группой православных священнослужителей и мирян, воодушевленных идеей христианского милосердного служения. Большинство членов Братства уже имели опыт посещения заключённых в тюрьмах и ухода за тяжёлыми больными в больницах. Этим видам служения Братство и обязано выбором своей небесной покровительницы – святой мученицы III века Анастасии Узорешительницы.

Председатель Братства и настоятель приписного тюремного храма – протоиерей Александр Степанов.

Вот как вспоминает о. Александр о начале жизни братства: «В 1992 году, уже осенью, меня рукоположили в священника. И моим местом служения была тюрьма. И оказалось, что группа людей, которые были в нашей общине и общине академического храма, где я часто сослужил, стала собираться вокруг меня. С этой группой мы начинали когда-то, ещё до моего рукоположения, и благотворительностью заниматься: в больницу ходить, ухаживать за больными.

Стало формироваться благотворительное братство. В это время все, кто только мог, посылали разные благотворительные транспорты, гуманитарную помощь и так далее. И мы оказались очень востребованными, как надёжные люди, которые что-то могут принять, раздать, распределить. Поначалу у нас был маленький подвальчик, который нам муж одной из наших сестёр, как спонсор, снимал. В одной из его комнат мы организовали крошечный храмик, чтобы вести свои братские вечерние службы. Библиотеку стали собирать, сделали канцелярию, трапезную и комнатку для хранения «гуманитарки». Потом наш спонсор разорился, и нас из подвала стали выгонять. Тогда мы решили, что нам надо, наконец, что-то более серьёзное, и стали искать какой-нибудь дом в Петербурге, связанный с церковью». Сегодня Братство имеет свое здание (бывшее подворье ярославских архиереев) с домовою церковью во имя святой Анастасии Узорешительницы.

Александро-Невское братство
18 ноября 2008 года Епархиальный совет Санкт-Петербургской Епархии

одобрил ходатайство наместника Свято-Троицкой Александро-Невской лавры архимандрита (ныне – епископа) Назария (Лавриненко) о возрождении деятельности Александро-Невского братства. Сегодня братство насчитывает около 50 членов, в том числе коллективных – таких как Союз православной интеллигенции Санкт-Петербурга и бизнес-сообщество «ДелоРус».

Деятельность братства осуществляется по нескольким направлениям: общественно-политическому, духовно-просветительскому, социальному. Большое внимание уделяется патриотическому воспитанию молодёжи.

«Даже если нам не удастся в полной мере возродить деятельность Александро-Невского братства в том виде, в каком оно существовало в начале двадцатого века, то мы, по крайней мере, возродим память о нём, что уже немало важно», – считает владыка Назарий.

Свято-Георгиевское сестричество при храме Успения Божией Матери в д. Лезье-Сологубовка (Ленинградская область) образовано в марте 2012 года по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира. Духовник Сестричества – настоятель храма Успения Божией Матери д. Лезье, настоятель храма иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» на Шпалерной улице, духовник СПбДА протоиерей Вячеслав Харинков.

Основные виды деятельности Сестричества – увековечение памяти защитников Отечества, молитвенное служение, духовно-просветительская и социальная, хозяйственная и другая деятельность. Сестричество состоит из 12 сестёр и 6 кандидатов в сёстры, активно помогают около 15 добровольных помощников.

Покровителем Сестричества является святой великомученик Георгий Победоносец. Этот святой издревле считался покровителем русского воинства. Ему посвящён один из приделов Успенского храма.

Свято-Петровское малое православное братство – неформальная группа православных христиан, жителей Санкт-Петербурга, стремящихся содействовать возрождению полноты жизни церкви и всех служений в ней (в частности, возрождению общинно-братской жизни, восприятию опыта новомучеников и исповедников Церкви русской православной миссии, полноценной катехизации, основанной на святоотеческой традиции и др.).

Свято-Петровское братство входит в Преображенское сообщество малых православных братств и поддерживает Свято-Филаретовский православно-христианский институт.

Недавно православные братства Санкт-Петербурга провели совместный концерт, новость о котором можно прочитать на с. 4.

Книжное предание

Уже семь лет в Петербурге работает интернет-магазин «Предание». О том, как он появился и как работает, рассказывает директор магазина Юлия Антипина

Наше Свято-Петровское братство к моменту возникновения магазина уже десять лет регулярно участвовало в книжных выставках, предлагало издания СФИ и Преображенского братства в разные магазины и храмы города. И на этих выставках мы замечали, что довольно много людей приезжает на них специально из пригорода или даже из других областей – потому что в отличие от Москвы и Петербурга найти где-то в глубинке хорошие книги очень трудно.

А интернет-магазин позволяет любому человеку в любой точке мира купить любую понравившуюся ему книгу. Единственное условие для этого – интернет и почтовое отделение где-нибудь поблизости.

Начиная это дело, мы, конечно, не знали, что получится, хватит ли на это сил. Ведь это у нас волонтерский проект: мы не получаем чистой прибыли от продаж. Небольшая наценка, которую мы ставим на книги, позволяет платить налоги и производить другие необходимые траты. Первые пять лет у нас никто и зарплату не получал, да и сейчас у нас всего три сотрудника – два в Петербурге и один в Москве – работают втроем на одну неполную ставку.

А много ли продаётся книг?

Может быть, относительно больших интернет-магазинов и немного. Всё-таки мы довольно строго держим ассортимент. За каждую свою книгу мы уверены, что она действительно хорошая и по-настоящему христианская. И ещё радостно, что наши покупатели хорошо разбираются в книгах. Например, когда стал выходить семитомник православного богослужения на русском языке – очень быстро о нём узнали и стали заказывать из самых разных мест, даже из США.

Правда? А из каких ещё стран и вообще откуда приходят заказы?

Страны самые разные – Германия, Франция, Польша, Беларусь, Украина, ЮАР... Сейчас все и не вспомню. А некоторые покупатели живут в таких местах, о которых я и не слышала раньше. Приходит заказ из Залукокоаже – и я открываю карту, смотрю, где это. Карелия, Удмуртия, Коми, Дальний Восток – большинство заказов не из Москвы или других крупных городов, и нас это радует – значит, мы на верном пути. Кстати, часто мы кладем в качестве бонуса для покупателей вашу газету. Многие нам потом отвечают, благодарят за книги и в том числе за «Кифу».

Адрес интернет-магазина <http://predanie.org>

«Избранных избранники, из лучших прекраснейшие»

10 мая в стенах музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме прошло необычное мероприятие: концерт камерной и классической музыки, посвященный сбору средств на памятник репрессированным членам православных братств Петрограда-Ленинграда.

Идея установки памятника принадлежит Свято-Петровскому малому православному братству. Чем больше братчики узнавали об истории Петроградской епархии в первые годы после революции и о роли православных братств в защите церкви от безбожной власти, тем больше они задумывались над вопросом: почему же сегодня об этих людях, многие из которых пострадали во время репрессий, почти никто ничего не слышал?

Митрополит Варсонофий, вступивший на Петербургскую кафедру весной 2014 года, уже в августе того же года одобрил идею создания памятника. Он благословил сбор средств и сделал первую запись в памятной книге: «Поддерживаю инициативу по увековечению памяти новомучеников и исповедников, в годы лютых гонений пострадавших в церкви Христовой, и считаю своим долгом сохранить в своём сердце их подвиг свидетельства о Христе даже до смерти».

Памятник будет создан из светлого гранита с мозаичной вставкой в виде расцветшего Креста, символизирующего непрерывающуюся жизнь Церкви Христовой, Глава которой Иисус Христос даёт каждому надежду на воскресение. Автор проекта – член братства художник Елена Александрова.

Интересно, что организатор прошедшего концерта – Свято-Петровское братство, как и большая часть его исполнителей, также представляли братства, только современные. Слушатели, которых было больше, чем мест в зале, услышали Моцарта, Баха, Чайковского, Шуберта в исполнении представителей Александрово-Невского и Свято-Петровского братств, а также из братства Анастасии Узорешительницы и общины «Адельгемма».

Во время концерта звучала не только прекрасная музыка, которую исполняли и старшие, и младшие члены братств, но и рассказы из биографий братчиков, в память о которых планируется поставить монумент. Возможно, некоторые гости впервые услышали о Владимире Шкловском из Спаского братства или о членах Александрово-Невского братства – его руководителе архиеп. Иннокентии (Тихонове) и архим. Льве (Егорове) и сёстрах Кире

Оболенской и Екатерине Арской. О них рассказали ведущие вечера – председатель Свято-Петровского братства, преподаватель истории церкви Свято-Филаретовского института Юлия Балакшина и член того же братства, консультант программы телеканала «Россия» «Петербургские заступники» Александр Буров.

Юлия Балакшина привела выдержку из письма еп. Иннокентия (Тихонова), которое он писал братству из ссылки – своего рода духовное завещание христианам сегодняшним: «Одно только можно сказать – сохраняют веру в её пламенеющей силе, в её чистоте и целостности и в её обнаружении в добрых христианских делах весьма, весьма многие, из избранных избранники, из лучших прекраснейшие... Вера в Бога, особенно вера Христова, есть великая, в полном смысле этого слова, культура духа, и воспринять эту культуру теперь, в окружающих нас условиях, воспринять её и сохранить её и передать другим могут только исключительные люди...»

На концерте выступил ансамбль старинной музыки «Новая Голландия». Музыканты играли барочную музыку на аутентичных инструментах того времени: скрипке, виолончели, клавесине. Музыкант Юлия Лурье перед выступлением пояснила, что для них очень значимо играть на таком концерте, потому что всем нам важно помнить о том, что произошло в XX веке.

На концерте был представлен сайт, посвященный сбору средств на памятник репрессированным членам православных братств. На этом сайте можно не только получить полную информацию о памятнике и планируемом месте его установки, но и познакомиться с историей разных братств, увидеть фотографии братчиков, а также узнать о деятельности современных православных братств Санкт-Петербурга. Желающие прямо на сайте могут выразить свою поддержку этому благому начинанию.

Адрес сайта <http://bratstvaspb.ru/>

Анастасия Наконечная

Ансамбль «Новая Голландия»